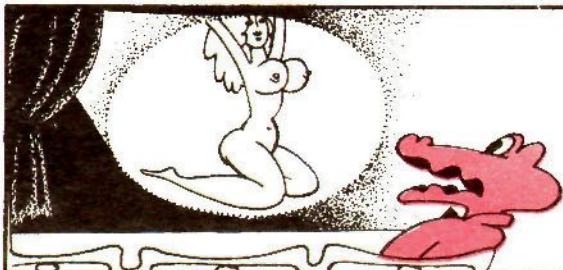

О. ТЕСЛЕР, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

Современный театр: ню и ню!..

Стр. 4.

КРОКОДИЛ

№ 22 (2644)
август 1989

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

М. А. АБРАМОВ,
А. В. АНИКИЕВ,
Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Ф. А. ИСКАНДЕР,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(зам. главного редактора),
С. С. СПАССКИЙ
(главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 29.06.89.
Подписано к печати 06.07.89.
А 00313.
Формат бумаги 70×108½.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1—2 600 125).
Зак. № 901.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП, Москва, А-137,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-80.
Приемная — 250-10-86.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. Правды, 24

Издательство ЦК КПСС
«Правда»
«Крокодил», 1989

В. МОЧАЛОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО...

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ У СЪЕЗДОВСКОГО ТЕЛЕЭКРАНА

Демократия — великое дело. Это еще раз показал первый Съезд народных депутатов СССР. Впервые за много десятилетий собрались не голосующие манекены, а живые люди. Каждый со своим характером, мнением, голосом. Серьезными намерениями и чувством юмора. Крокодилу, естественно, наиболее близка именно эта сторона — юмор. Который не оставлял людей в Кремлевском Дворце съездов в самые что ни на есть серьезные моменты заседаний. И это тоже, как и многое другое, говорит о том, что мы наконец выздоравливаем. О том же — беспрецедентная открытость съездовской работы. Как подметил один из депутатов, в эти дни страна объявила своего рода итальянскую забастовку: кто мог, на работе не работал, а смотрел телевизор. Крокодил, как показано ниже, тоже смотрел, хотя и работал...

...Мироненко В. И. ...Мне кажется, не надо подхваливать Михаила Сергеевича... это унижает этого человека, этого крупнейшего политического и государственного лидера...

Оболенский А. М. Если у нас министр финансов не в состоянии провести эту операцию как положено, — наверное, его надо освободить. Может, японца пригласить?..

Гиро В. А. ...По поводу наших первых лиц я могу официально от имени делегации сказать одно: мы выбрали тех, кого знаем, и, чтобы корабль перестройки все-таки двинулся вперед, мы готовы пожертвовать и первым, и вторым секретарями ЦК Компартии Таджикистана, на что я имею их принципиальное согласие...

Сулейменов О. О. ...Демократия — еще юная девочка, так скажем. И сразу требовать

от нее удовлетворения всех своих страстей, не дав достигнуть ей совершеннолетия хотя бы, — это просто уголовное преступление. Пусть она возрастет, пусть плод созреет...

Адамович А. М. В витринах западных магазинов — товары. А в наших неплохо бы вешать портреты министров: в мясном — министра сельского хозяйства, в обувном — легкой промышленности...

Журавлев А. Г. ...У меня такое ощущение, что, когда я вернусь домой, возможно, многих из них уже не застану в живых. Потому что часть из них помрет от возмущения, а вторая — от смеха...

Амангельдинова Г. А. Делаются даже такие заявления, что члены Политбюро не там сидят. Да что это сегодня такой важный вопрос, где сидит Политбюро? Вот они сидят там, и пусть они сидят...

...В данной ситуации, сложившейся на Съезде, я как женщина даже боюсь садиться среди тех московских делегатов, которые выступали в первые три дня...

Хаджиев С. Н. Вот здесь должен бы сидеть распорядитель Съезда с хорошим молотком, с двумя могучими помощниками. Вот я сейчас не уйду отсюда — что вы со мной сделаете, милицию вызовете?..

Горбачев М. С. А у нас вот товарищ Влагов сидит

Хаджиев С. Н. Так у него одного сил-то не хватит, я уцеплюсь и стоять буду...

Назарбаев Н. А. А теперь вынуждены вернуться к самому архаичному показателю — соотношению производительности труда и средней зарплаты, которое внесено че-

тырьмя уважаемыми ведомствами. Пусть они на меня не обижаются, но этот документ носит на предприятиях название «Письма банды четырех»...

Оджиев Р. К. Я единственный человек, который не относится ни к партии, ни к Советской власти, ни к государственному учреждению, я — кооператор...

Олейник Б. И. До слез умилило, как доверительно, по-свойски повернувшись разрезом пиджака к народным депутатам, а следовательно, и ко всему нашему и мировому сообществу, мы буквально касались челом плеча главы государства, поверяя ему, очевидно, самое сокровенное...

Бунич П. Г. Мы занимаем высокое место в мире по количеству постановлений, причем уникально пространных... занимаем сейчас явно передовые позиции по очередям, количеству людей, которые ходят с сумками, размеру каждой сумки и тому воздуху, который в ней находится... Я бы сказал вот что: «Кто не работает — тот ест того, кто работает»... К сожалению, мы живем лучше, чем работаем, хотя живем скверно...

Черниченко Ю. Д. Если об электронике, то здесь присутствует уважаемый и самый верховный наш счетчик товарищ Осипьян. Я с ужасом узнал, что он — ведущий электронщик и большой специалист в физике — считал на счетах. Это воидет, я думаю, в историю...

В рабочее время
у телевизора просиживал
Гр. КРОШИН.

СКОЛЬКО
МОЖНО

...Ремонт центральной районной больницы в г. Коврове длится 9 лет... В свое время этот ремонт поручали крупным промышленным предприятиям, но ввиду слабого спроса исполкома горсовета и контроля со стороны горкома КПСС ремонт до сих пор не завершен. В то же время пристройка — 4-этажное здание — к старому 3-этажному зданию горкома КПСС сделана всего за 1 год!..

В. ТИТОВ,

г. Ковров Владимирской области.

ПАТЕНТ
Я НЕ ВЗЯЛ...

Здравствуй, уважаемый «Крокодил»! Два года назад обращался я к тебе по поводу индивидуальной трудовой деятельности. Спасибо за помощь. Полтора года с трудом, но работал. И вот перед Новым годом получаю послание из финотдела: плата за патент увеличена на... 128%!!! Как помочь в приобретении материалов — так никто, куда я ни обращался: ни торговля, ни Госснаб, а плату увеличить — «процпе пареной репы».

Судя по всему, они думают, что я зарабатываю в год около четырех тысяч чистыми, думают, что печатаю деньги, а не фотографии... В среднем получается, что я должен заснять каждого жителя села и содрать с него несколько рублей. За материалами приходится ездить в Москву, часто переплачивать вдвое, а то и больше, да и оборудование хорошее «хороших» денег стоит. А где гарантия, что в следующем году снова не поднимут цены на патент? Благо в постановлении Совета Министров УССР от 15 апреля 1987 г. № 128, пункт 3, есть лазейка: «...Предоставить право Министерству финансов УССР изменять по просьбе облизполкомов... установленные этим постановлением размеры платы за патент по отдельным видам деятельности в зависимости от фактических доходов граждан, которые занимаются этими видами индивидуальной трудовой деятельности». Это что же, вначале ошиблись на целых 128% или увидели, что много зарабатывают (к слову, у меня никто не спрашивал о доходах)? При всем при том, что у меня, как и у каждого сельского жителя, хватает работ на приусадебном участке, от основной работы на производстве меня никто не освобождает, занимаюсь я фотографированием в свободное время.

Но это еще цветочки. Минбыт УССР вообще хотел запретить кооперативную и индивидуальную деятельность по фотографированию: в адрес нашего райбыткомбината пришло письмо из облбыткомбината со ссылкой на письмо из министерства, но, видно, что-то там не сработало, так решили убрать конкурентов повышением платы за патент.

Патент на этот год я не взял, в результате на новогодних праздниках в школе и детсаду дети и родители остались без памятных снимков, а я — без дополнительного заработка. Да здравствуют бюрократы!!!

С уважением

ЧЕРНОМАЗ Николай Петрович,
с. Привольное Вахтанговского района
Николаевской области.

ПО МОЗГАМ!

В некоторых выступлениях на недавнем Съезде народных депутатов СССР сквозила обеспокоенность состоянием дел в кооперативном движении страны. Высказывались разные точки зрения, одни выступающие ратовали за всемерное развитие кооперации, другие обвиняли кооператоров в рвачестве, в выпуске продукции низкого качества и даже в инфляции, поразившей экономику державы. Последнее, конечно, не выдерживает никакой критики, о чем со всей определенностью заявил Съезду известный советский экономист и публицист Николай Шмелев. Что и говорить: дела в кооперации действительно обстоят далеко не блестяще, это факт. Но вина в этом не только кооператоров, многое зависит от атмосферы, созданной вокруг них, от вмешательства в их деятельность министерств и ведомств, которые урезают их права, связывают по рукам, вносят в ряды кооператоров обеспокоенность и неуверенность в завтрашнем дне.

Где-то полтора-два года тому назад мне довелось побывать на постоянно действующей (постоянно же и закрытой для простого гражданина) выставке, которая разместилась на улице Куйбышева, близ Кремля. Начинена эта выставка товарами народного потребления капиталистических производств и рекомендована тем товарищам, которые ведают у нас, в СССР, ширпотребом. То есть прибивают данные товарищи в Москву, предъявляют разрешительные бумаги и расходятся вдоль стеллажей и стенов с блокнотиками в руках: что бы такое содрать с буржуйского товарца себе на пользу?!

Будем и дальше так — жить чужим умом и озарением?

Можно и дальше. Привыкли. В конце концов за это не бьют.

А вот Артем Тарасов, москвич, кандидат технических наук, решил иначе. Он сказал: «Полно! Мы и сами с мозгами!» И, порвав со службой в одном из НИИ, пошел в кооперацию. Он надумал собрать вот таких, как он, толковых неудачников — за три года работы в НИИ Тарасов получил 24 авторских свидетельства и за последние пятнадцать сумел внедрить лишь одно — и наладить внедрение идеи наших Ползуновых, Черепановых и Кулибиных... И за такими людьми, отметим с грустным оптимизмом, дело не стало, и под флагом кооператива «Техника» начала собираться удивительная команда. Тут были первоклассные электронщики, программисты невероятного уровня, непонятные технологи и просто люди с мозгами набекрень, так как только с такими мозгами и можно создать швейную машинку, могущую шить фанеру и превосходящую по всем статьям мировые достижения, или же пенометалл, или же прибор, в 10—12 раз ускоряющий реакцию жидкостей и т. д.

Да, скооперируйся такие мозги где-либо в Японии, так через пару лет «Техника» была бы в десятке процветающих компаний (уж если японцы делают миллионы на рубрике «Маленькие хитрости» из журнала «Наука и жизнь», то можно представить, какие условия были бы там созданы непосредственно изобретателям!). Но мы пока страна больше светлого будущего, чем восходящего солнца, и потому кооператорам пришлось рассчитывать сугубо на свои силы и смекалку.

Первые десятки тысяч рублей на счет кооператива поступили довольно-

таки скоро: за ремонт вычислительной техники, информационное обслуживание населения и предприятий, за работы и услуги по программированию на ЭВМ и т. д. Но нужны были миллионы, десятки миллионов рублей! И тогда кооператоры задумали вот что: поскольку в стране люто недостает компьютеров, «Техника» решила взять на себя поставку этих компьютеров из-за рубежа. А на что их приобретать? А на великвиды, отходы производства, по которым наша страна занимает абсолютно ведущее место в мире.

И с размахом развернулось дело. Не сворачивая прочих работ, кооператив заключил полторы сотни договоров с предприятиями и министерствами на поставку им компьютеров, а те, в свою очередь, перечислили «Технике» солидные авансы. И кооператив не подкачал, из-за рубежа поступила нужная, на вес золота, аппаратура, и к концу 1989 года чистый доход кооператива мог бы составить уже 130 миллионов рублей (кооператив не просто продавал компьютеры, он разрабатывал для них и программы, награждал интеллект), но грянул скандал. Контрольно-ревизионное управление Министерства финансов СССР выявило в работе «Техники» серьезные, на его взгляд, нарушения: в частности, попытку получения правлением кооператива громадных сумм денег в личное пользование из авансов предприятий. Затем министр финансов СССР Б. Гостев через бюллетень «Аргументы и факты» (тираж почти 22 миллиона экземпляров) объявил стране, что кооператив в обмен на компьютеры сбавивал за кордон стратегическое сырье: деловую древесину, медь, минеральные удобрения... Появились статьи в «Правде», «Московской правде», в «Труде», то есть как бы выходило: никакие это не изобретатели скооперировались на радость отечественному прогрессу, а международные авантюристы, гоп-стопники недюжинной разворотливости и ума.

«Техника» начала агонизировать.

Трудна, страшновата стезя кооператора новой волны. Закон о кооперации еще был в зачаточном состоянии, а на кооператоров состоялось первое покушение: заработок свыше 500 рублей был обложен бешеным налогом. Затем народился Закон о кооперации, и за ним грянул державный Указ, которым были запрещены кооперативы, надумавшие открыть образовательные школы, заняться издательской деятельностью, изготовлением кино- и видеопро- дукции...

Вот в таких условиях постоянной правовой нестабильности призываем мы кооперативы шириться и множиться, вот эти условия и толкнули «Технику» на странный, подозрительный вроде бы поступок. На общем собрании кооператива в начале года было решено: поскольку пронзительно пахнет очередной репрессивной мерой, то, на всякий пожарный, надо перевести несколько миллионов рублей со счета кооператива на личные счета его руководителей. Под видом зарплаты. Решение это спорное. С одной стороны, на личные счета уйдут не только заработанные, но и авансированные деньги. Но, со стороны другой, решение было дальновидным и экономически верным: вскоре Госбанк СССР запретил прочим банкам страны выдавать на руки кооператорам больше ста рублей в день. Покупай что угодно и сколько угодно, но по безналичному расчету. А что можно купить, тем более сейчас, по безналичному рас-

чету? Полкило издевательского смеха. Ну, кило гомерического хохота, если постараться. А ведь с кооператорами, уж как-то так сложилось, любят иметь дело, когда они рассчитываются наличными. И «Техника» тут не исключение, ей также нужны живые деньги, и в больших количествах.

Словом, выписали себе «зарплату» руководящие кооператоры аж семь миллионов; коммерческий директор «Техники» А. Писаренко решил заблаговременно заплатить партийные взносы, и кооператив выделил ему на эти цели 95 тысяч рублей, деньги у кооператива были. Писаренко взносы запла- тил, в парторганизацию института судебных экспертиз, где работает постоянно, а вот миллионы кооператив не выдал, остались в банке миллионы. Вместо денег кооператоры заполучили бригаду ревизоров КРУ, и слух о миллионных заработках кооператоров, что называется, прошел по всей Руси великой. Что интересно: через пять недель незаконный приказ Госбанка СССР о выдаче кооператорам лишь ста рублей в день был отменен.

А теперь о главном. Об остро фондируемом и стратегическом. На этих вопросах необходимо остановиться подробно, так как ни один из журналистов, критиковавших «Технику», с кооператорами не встречался, из чего можно сделать вывод, что материалы по душе «Техники» готовились по документам КРУ Минфина СССР. (Есть такая форма журналистской работы — писать по документам. Всегда прав, всегда аргументирован. А если наврешь, исказишь, то вот они бумаги. Какие ко мне претензии? Все претензии к тем, кто эти бумаги готовил.)

Итак, «Техника» намеревалась выменять 1280 персональных компьютеров на 50 тысяч тонн трикальцийфосфата. 50 тысяч тонн — это много! Пусть ты и не знаешь, а что собственно такое — трикальцийфосфат, а все одно проникнешься обидой за державу и ненавистью к кооператорам. Но не будем спешить, послушаем, что скажет на этот счет начальник Главного производственного управления Министерства минеральных удобрений СССР, член коллегии министерства А. Алешин: «Лет десять тому назад была разработана солидная программа по животноводству, обеспечить которую в значительной мере должны были мы. И вот чем — кормовыми фосфатами. В различных точках страны были созданы мощности, и на сегодня сельское хозяйство насыщено фосфатами настолько, что Госплан СССР исключил их из госзаказа, предоставив предприятиям право находить покупателя и реализовывать ему продукцию».

— Могут кооперативы покупать трикальцийфосфат?

— И не только его. Но и дикальцийфосфат, и диаммонийфосфат. Этого у нас в избытке, производства работают не на полную мощь. Милости просим!

Так обстоит дело со стратегической кормовой добавкой.

Далее: кооператив намеревался от- править иносфирмам (естественно, сам в прямой контакт не вступая, через внешнеторговые организации) 2 тысячи кубов деловой древесины.

Не знай и тут тонкостей, так опять сорвешься в ор: «Ату их, живоготов! Вырубает леса на потребу буржуйам!»

Но не будем спешить и в этом случае. Итак, к примеру, Минавиапром заинтересовался предложением «Техники» — поставить ему десяток перво- классных компьютеров. Заключен договор. Министерство переводит на счет

НИКТО НЕ ХОТЕЛ ОТСТАВАТЬ, ИЛИ «ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!»

В октябре 1958 года в Москве, в Колонном зале состоялась Всесоюзная конференция работников театра, драматургов и критиков — первое представительное совещание времен хрущевской «оттепели». С основным сообщением выступил тогдашний министр культуры СССР Н. А. Михайлов. Доклад был подробный, обстоятельный, сочиненный многими авторами. Задача Михайлова сводилась к тому, чтобы более или менее выразительно прочесть его, ибо в вопросах собственно искусства он разбирался ничуть не больше, чем многие другие сталинские выдвиженцы 30-х годов.

Говоря о репертуаре драматических театров, Михайлов признал целесообразным продолжить контрпропаганду «их нравов» и поддержал некоторые московские театры за постановку пьес прогрессивных зарубежных авторов, разоблачающих загнивающий Запад. В частности, он одобрил спектакли «Лиззи Мак-Кей» Жан-Поля Сартра в Театре имени Моссовета, «Шестой этаж» А. Жери и «Филумена Мартурано» Эдуардо де Филиппо в Театре имени Евг. Вахтангова. В них речь шла о незавидной судьбе американской, французской и итальянской проституток. «Но москвичи вправе спросить у мастеров столичной сцены, когда же наконец мы увидим образ и нашей,— тут докладчик сделал небольшую паузу, чтобы перевернуть страницу,— замечательной современницы?»

Мог ли кто-нибудь в ту пору даже предположить, что настанет время, когда на советскую сцену действительно выйдут не только импортные, но и отечественные шлюхи? Да еще в таком количестве?! Но если бы только они!..

Еще лет десять назад, будучи за границей, я увидел чеховского «Платонова», которого режиссер раздел до плавок, уложил на ковер и подверг нападению трех гурий, облаченных в прозрачные платья из струящихся тканей. Что они с ним выделывали!..

— Зачем это? — спросил я у режиссера.

— Как зачем? Платонов же импотент!
— Но не в медицинском плане.
— Откуда это известно?..

Потом к нам стали приезжать на постановку режиссеры из других стран, и мы постепенно начали «приобщаться» к мировой цивилизации. Одним из первых в этом деле преуспел С. Унковский из СФРЮ, когда в 1987 году поставил в Театре на М. Бронной «Татуированные души» Г. Стефановски.

— Там такое творится,— говорила театральная кассирша,— на сцене — половой акт! Берите билеты, они попали ко мне случайно: просто никто еще не знает, что это такое! Позже не попадете ни за какие деньги!..

Все, конечно, познается в сравнении. «Татуированные души» на фоне того, что мы вскоре увидели в других театрах, выглядели почти невинной детской забавой. Скажем, режиссер из США Марк Леймос, осуществляя в 1988 году в Театре имени А. С. Пушкина постановку пьесы Ю. О'Нила «Любовь под вязами», заставил хороших актеров ходить по сцене в костюмах... Адама и Евы. Все это смахивало на «незлостное хулиганство». Так же, как и у венгра Габора Жамбеки, показавшего недавно на гастролях в Москве талантливый спектакль «Ревизор» в исполнении артистов Театра имени Йозефа Катоны. В сцене объяснения Хлестакова с Городничихой летели в воздух отнюдь не челчки, а трусики! Кроме того, много «интересного и поучительного» в этом плане дали нам и Дни театральной Федерации Республики Германия в Москве...

Но мода на эпатаж путем «обнаженки»

захлестнула и наш театр. Более того, наши родные режиссеры как бы вступили в негласное состязание друг с другом. Если бы речь шла о каких-то дельцах и ремесленниках, не имевших представления о таких понятиях, как «культура» и «вкус», тогда еще полбеды. Но ведь в борьбу эту, к сожалению, оказались втянутыми самые что ни на есть передовые, прогрессивные художники, увенчанные всевозможными титулами и наградами!

— Неужели вам не понравились «Братья и сестры» у Л. Додина? Ведь это — один из лучших спектаклей последних лет? — спросил я как-то у коллеги.

— Безусловно,— ответила она.— Но меня смущает, что там слишком много времени уходит на всевозможные пикантные подробности. Надо больше доверять воображению зрителей, иначе мы неминуемо погрязнем в болоте натурализма...

Когда спустя год я смотрел у Л. Додина «Звезды на утреннем небе» А. Галина, слова эти вспомнились мне с особой очевидностью. Фантазия иных постановщиков уводит их в такие дебри, из которых не так-то просто выбраться. Ну зачем, к примеру, Г. Панфилову понадобилось по меньшей мере странная сцена в финской сауне, где оказались герои шекспировского «Гамлета»?

А что случилось бы, если бы исполнительница роли Маруси Холоденко в «Закате» И. Бабеля (Театр имени Вл. Маяковского) сняла ночную сорочку на полминуты позже? Неужели бы мы не догадались, зачем к ней поднимается Мендель Крик?

Малый театр — Дом Щепкина и Островского, цитадель добродетели и целомудрия, академия русской сцены, «второй Московский университет»! Чехова ставили здесь нечасто. Но вот недавно обратились к «Лешему». И что же открыл в нем режиссер Б. Морозов? Оказалось, Жорж Войничкий — не такой уж «одуванчик». Незадолго до самоубийства, уловив подходящий момент, он пытается силой овладеть Еленой Андреевной. Она же сама — тоже не промах: в последнем акте Елена затевает небольшую интрижку с... Вафлей.

Кто бы мог подумать?

МТЮЗ поставил «Записки из подполья» по Ф. Достоевскому. С этой целью пригласили режиссера К. Гинкаса. Что же мы увидели на сцене? Голую девицу, которая ничтоже сумняшеся встает с кровати в чем есть, берет в руки чайник, ставит за стеклянной ширмой таз и на глазах у всех спокойно приводит в порядок... интимные места. Тут уже идет эпатаж, как говорится, в особо крупных раз-

мерах! Исключительную пикантность сцене придает тот факт, что спектакль поставлен именно в ТЮЗе!

Впрочем, не отстают и «более взрослые». К примеру, в московском Театре имени Ленинского комсомола у Марка Захарова в спектакле «Мудрец» по А. Н. Островскому разыгрываются такие «пассажи», что некоторым западным режиссерам придется срочно мчаться к нам на стажировку. Что Глумов гуляет по сцене в чем мать родила,— это еще не большое достижение. А вот что и Мамаева норовит туда же,— это уже интереснее. К тому же она, слегка смущаясь, в другой раз запускает свою ручку ему в панталончики и после паузы с явным разочарованием отмечает, что он «сегодня не в форме»... Что Глумов делает с Мамаевой после этого, я и описывать не смею. И что обидно, все это происходит в спектакле талантливым, современным, злободневным!

Пишу и думаю: могли бы, к примеру, Станиславский или Мейерхольд предложить своим актерам появиться на сцене в подобном виде? Не говорю уже о великих, но о любой начинающей актрисе или актере без всякого положения?! Ведь у каждого из них, воспитанных в определенной среде, при всех очевидных деформациях нашей жизни, есть мужья, жены, дети, родители.

Мне рассказывали, как известная актриса со слезами на глазах буквально умоляла режиссера разрешить ей на одном-единственном представлении отменить наиболее рискованную мизансцену, чтобы она смогла пригласить на спектакль своего пятнадцатилетнего сына. Но режиссер был неумолим: «Что же, я в угоду одному должен принести интересы тысячи других, кто уже слышит об этом моменте?»

К сожалению, мы часто забываем о национальных традициях именно в тех случаях, когда это особенно важно. О каких глубинах человеческого бытия поведали миру русские классики! Но при этом разве приходило им в голову зарабатывать интерес к своим произведениям, обнажая своих героев буквально, преступая нравственные нормы?

Многие считают, что все эти явления — временные. Что они — естественная реакция на всевозможные ограничения, своеобразная «детская болезнь» левизны современного театра. Дал бы Бог, чтоб так оно и оказалось!

Но и заметки эти — тоже дань времени, возможность высказать альтернативную точку зрения без опасения «оргвыводов» и для режиссеров, и для автора статьи: никто не хотел... отставать!..

В НАШЕМ ЦЕХЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ ВАРАКИНА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Отчет о командировке

«Кинодраматургу Александру Бородинскому и режиссеру Карену Шахназарову, авторам новой картины «Город Зеро» («Мосфильм»).

Я, Варакин А. В., нижеследующим выражаю свой решительный протест и глубокое возмущение по поводу всего того, что мне довелось испытать и пережить во время служебно-творческой командировки, в которую я по вашей милости угодил. Приняв вполне желанный и надежный для любого командированного облик артиста Леонида Филатова, я отправился по вашему, уважаемые авторы, заданию в провинциальный город Зеро на местный завод, чтобы с присущим мне упорством и ловкостью выбить непонятно зачем понадобившиеся вам «модернизированные панели».

Увы, сразу по прибытии я убедился, что Богом забытый городок явно не оставил своими заботами дьявол. Моя маленькая «дьяволиада» началась еще в приемной ди-

ректора, где совершенно голая секретарша говорила со мною так, словно движение нудистов одержало у нас в стране полную и окончательную победу. А продолжалась беседа в кабинете, где директор, жутковато смахивающий на Армена Джигарханяна, проявил полную неосведомленность о печальной участи своего главного инженера, как выяснилось, скончавшегося полгода назад.

Это бы ладно! Дальше началось такое, что и самому Кафке в страшном сне бы не приснилось. Повар местного ресторана выпек торт в виде моей собственной головы — это при скудости-то провинциального меню! После чего кудесник-кондитер там же, на кухне, и застрелился, а меня провозгласили сыном этого многогосударственного человека, претерпевшего долгие и тяжкие гонения за любовь

к рок-н-роллу и пропаганду буржуазного танца, грозившего подорвать нашу идеологическую основу. А еще попал я в местный краеведческий музей, и его экскурсовод, поражающий сходством с Евгением Евстигнеевым, продемонстрировал мне какой-то псевдоисторический паноптикум. Попробуй останься в своей тарелке, когда видишь знаменитую кровать Аттилы по соседству с изображениями первого в городе исполнителя рок-н-ролла и первого секретаря горкома ВЛКСМ, исключившего его из комсомола! А председатель ревкома Зверев, ударно ликвидировавший императорскую фамилию, а потом ударно трудившийся зеком на строительстве Беломорканала? Чур меня, чур! Как вы понимаете, на фоне этих «экспонатов» появление нормальных зеровчанских граждан несколько обнадежило. Но не тут-то было! Следователь, смахивающий на Алексея Жаркова, почему-то заподозрил меня в убийстве. Молчаливый прокурор, бывший гонитель моего псевдопапаша-рокнролла, вдруг предпринял попытку прилюдного самоубийства, так как все вокруг плясали рок, а он, как известная вам преподавательница, не мог поступить по принципам (кстати, в бреду мне показалось, что прокурор на одно лицо с артистом Владимиром Меньшовым). Ну а когда матерый исполкомовский работник с лицом Петра Щербаква, уцелевший, кажется, после всех чисток со времен

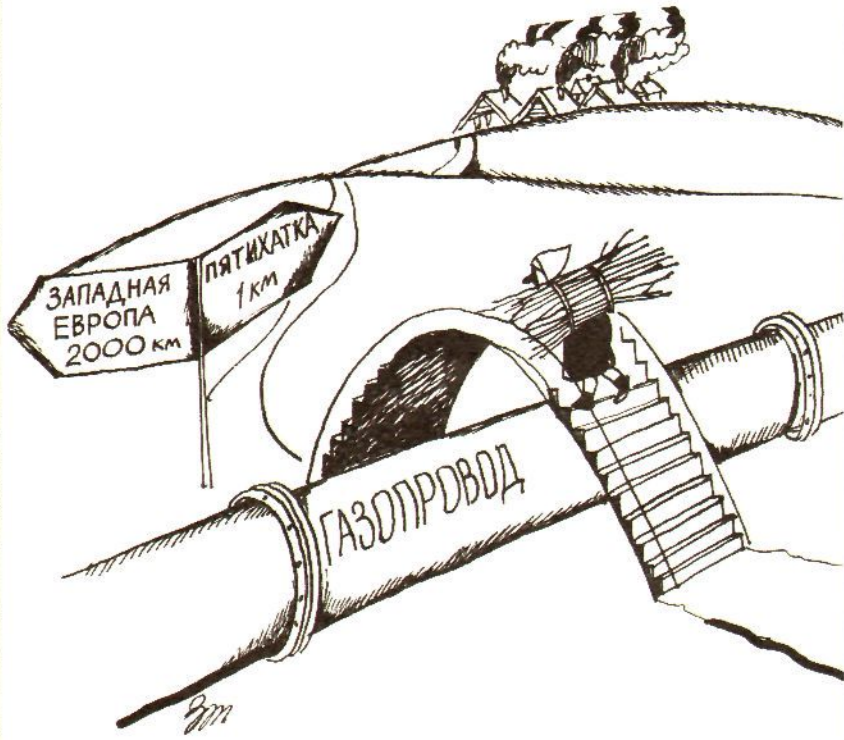
Учредительного собрания, проявил себя рьяным сторонником роковых традиций, я окончательно понял, что либо немедленно выберусь отсюда, либо немедленно сойду с ума.

Уважаемые авторы! Ваша слава создателей таких фильмов, как «Мы из джаза», «Зимний вечер в Гаграх» и «Курьер», все же не дает вам права так измываться над героем, по собственному произволу забрасывая его в абсурдный, мистический, хотя и талантливо, остроумно снятый мир. И если вы, как и наиболее дотошная часть зрителей, станете утверждать, что эта дьявольская фантазмагория не так-то уж сильно отличается от нашей многолетней реальной повседневности, я лишь посетую на отмену поправок к уголовному законодательству, предусматривающих за дискредитацию три года пребывания в местах, по сравнению с которыми город Зеро покажется курортной зоной!

Убедительно прошу вас впредь в подобные поездки меня не посылать. Для выбора места следующей командировки настоятельно рекомендовал бы вам еще раз пересмотреть такие картины, как «Кубанские казаки» и «Светлый путь». В крайнем случае — поблизу из жизни американских миллионеров в окрестностях Майами. А в город Зеро езжайте сами.

А. Варакин, снабженец-толкач.

С подлинным верно: Г. СИМАНОВИЧ.

Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

Р. САМОЙЛОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

М. АБРАМОВ.

Г. ЧЕГОДАЕВ, г. Челябинск. На конкурсе «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Владимир НАДЕИН

Чего-то непонятное происходит с правильной точкой зрения. Еще совсем недавно она была одна, и овладение ею не стоило никаких трудов: достаточно было внимательно читать передовые статьи и основополагающие вступления. И вдруг оказалось, что правильными могут быть несколько мнений, притом противоречащих друг другу.

Это заставляет по-новому взглянуть на неправильные высказывания. Может быть, они тоже нужны? Ну хотя бы для того, чтобы правильному жилось легче. Исходя из этой верной (или неверной) предпосылки, Крокодил решил предоставить слово для нескольких выступлений Владимиру Надеину. В начале 70-х годов он был уволен из крокодильских рядов за высказывание ошибочной точки зрения о недопустимости разворовывания колхозного добра высокопоставленными гражданами Полтавской области (см. фельетон «Так про что это мы?» № 9, 1970 г.). Спустя несколько лет выяснилось, что воровать из колхозной кладовой продукты все-таки грешно. Позиция автора из неправильной стала правильной, что сделало В. Надеина одним из специалистов по высказыванию глубоко ошибочных воззрений, в которых есть рациональное зерно.

Редакция надеется, что заблуждения, в изобилии допускаемые В. Надеиным, помогут читателям увидеть текущие события в кривом зеркале, но в правильном свете.

МИНИСТР ДЛЯ ПОРТФЕЛЯ

Состоявшееся накануне Съезда народных депутатов СССР заседание союзного правительства, транслировавшееся по телевидению, вызвало у многих моих знакомых вздох облегчения. Хотя министры не складывали с себя полномочий в тот самый момент, все равно неизбежность разлуки вызвала светлые слезы вдохновения.

Оставалось потерпеть несколько недель, чтобы прояснились имена тех, кому из сотни благородных мужчин предстоит и впредь владеть высокой ярмо министерского служения. Страна у нас, как известно, азартная. Уж на что ленивы футболисты, не только в раздевалках, но и на поле предающиеся мечтам о западных гонорарах. Но и их игра вызывает подобие азитажа. Многие даже рискуют своими деньгами в спортлото.

А тут — министры. Они, правда, тоже куда беднее своих западных коллег, 800 руб. в месяц — на уровне пособия уважаемому безработному в Калифорнии. Но в Калифорнии свои представления о бедности. У нас свои — о богатстве.

Словом, министром у нас быть пока еще выгодно.

А потому прогрессивная общественность с замиранием сердца следила за тем, кого из кандидатов в правительство «зарубят» в Верховном Совете.

С самого начала было ясно, что очень тяжело в этом состязании придется тренерам команд «Мелиоратор» и «Неконвертируемый рубль». О первом говорить не стоит — слишком много уже сказано. Что же касается Б. И. Гостева, то он настолько запутался в голах, очках и миллиардах, что в заявочном листе его не оказалось. В самом деле, еще полгода назад, докладывая проект бюджета на сессии бывшего Верховного Совета СССР, он авторитетно заявил, что наши военные расходы составляют всего 36,3 миллиарда рублей. Наверное, так ему доложили подчиненные. Прошло всего полгода, и уже начальники Бориса Ивановича торжественно провозгласили, что на оборону тратится 77,3 миллиарда. Это уже не процент туда, процент сюда. Это рождает не вопросы, а готовые ответы: Поскольку каждому ясно, что боевые миллиарды можно закононормить только на тихом, как лабораторная морская свинка, народном благосостоянии: пенсиях, стипендиях, здравоохранении...

Бысь об заклады, что расстроенность финансов не отразится на размере персональной пенсии Б. И. Гостева. Да и не ею горит брешь в бюджете.

Всем известна классическая цитата, согласно которой бюрократизм следует «брать» по всем правилам военного искусства. Тут годятся и глубокошелонирующая оборона, и широкие «клевцы», и затяжная окопная война. Но лучшее оружие — внезапность. Дерзкий массированный удар без предварительного объявления боевых действий.

Согласно официально утвердившейся легенде, главным источником бюрократизма у нас были министерства. Сокращение их количества на целых 25 штук вызывает волну народной симпатии к реорганизаторам. Впечатление такое, будто упразднение Агрпрома открывает прямой путь к изобилию сосисок, а ликвидация Министерства культуры автоматически ведет к расцвету талантов и отмене трамвайной ругани.

Стоглавая гидра административно-командной системы легко перенесет ампутацию четверти самых непопулярных шупалец. Можно сколько угодно ликовать по поводу того, что 62-летний М. В. Грамов, вновь рекомендованный главой правительства для возглавления Комитета по силе, скорости и цветущей молодости, сгорел в горниле предварительного обсуждения.

Тут восторжествовала справедливость: сила спортивных скандалов могла соперничать только с немощью массовой физкультуры. Но тут же царил неблагодарность: никогда наши не имели столько медалей, как на Олимпиаде в Сеуле. И было это тоже при М. В. Грамове.

Так за что министрам такая судьбина? За то, что они делали? Или за то, что делалось при них?

Лично я верю в административно-командную систему. Она себя еще покажет. Выбрасывая за борт балласт из 25 министерств, она обретает ореол новаторства. Упраздненные ведомства юркнул под крышу сохранившихся, а отданные на съедение демократии министры как-нибудь переберутся на почетных пенсиях или очередных высоких должностях. Вспомним, что за последние полвека шесть раз сливались и разливались Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности с Министерством промышленности бумажной. О результатах можно судить хотя бы по тому, что никогда за всю свою историю страна не была обеспечена даже туалетной бумагой.

Хотя ряд министров признался, что о ликвидации своих министерств они узнали чисто случайно — кто от шоферов из Совмина, кто по телефону от родственников, — эффект внезапности не поверг их в панику. Чего, увы, не скажешь о рядовых ведомственных работягах, честно исполнявших свой бюрократический долг.

Да, никто никому ничего официально не сообщал об упразднении министерств. Только слухи, жуткие слухи витали над 25-этажными бетонными коробками Нового Арбата. О чем только не говорили служащие, сбегаясь целыми главками в места для курения!

Но когда развеялся табачный дым, развеялись и легенды. Министерства упразднились без оглядки на бывшие заслуги. Сопровожаемые улюлюканьем общественности 10 тысяч служащих из 25 министерств внезапно остались без работы.

Плывя в струе наследственной жестокости, рожденной чистками и показательными процессами, можно до ломоты в ладонях аллоцировать тому, что головы министерских служащих тысячами катятся с эшафота реорганизации. Но я думаю не о десятках тысяч, а об одном. Об одном конкретном человеке, о 45-летнем 180-рублевом служащем, которого внезапно выбросили из привычной жизни. Конечно, в целях экономии. Разумеется, для общего блага. Теперь он будет лихорадочно обивать пороги сопредельных контор, а по вечерам со стыдом отводить очи от укоризненных взоров материально зависимых членов семьи.

Возможно, светило командной системы уже на закате. Но последними своими лучиками оно успеваеет согреть тех, кто довел до ручки министерские портфели. На прочих калоража уже не достает.

Мне позвонил Виталий Стацинский из «Веселых картинок»:

— С тобой хочет познакомиться Ротов.

Я ответил длительной паузой. Просто, как сказал классик, «в зобу дыханье сперло». Ср мной хочет познакомиться Ротов! Ротов, рисунок которого я знаю с детства. Вырезал их из «Крокодила» и других журналов Ротов, который так здорово проиллюстрировал «Капитана Врунгеля» и «Старика Хоттабыча»!

На другой день я познакомился с Константином Павловичем.

— Мы с твоим папой знакомы были давно, — сказал карикатурист. — По Союзу художников. А вот подружился в Северо-Енисейске. В ссылке. А до того по 8 лет провели в лагерях. Я в Соликамске, а папа твой на Колыме. В Северо-Енисейске у нас была хорошая, дружная компания. И комсомольский руководитель, и инженер, и даже протоиерей... Папа твой работал в клубе художником. Я тоже там подвизался. Мы как могли старались скрасить быт ссылнопоселенцев. Устраивали в клубе веселые встречи Нового года. Даже с карнавалами. Однажды украсили зал дружескими шаржами на ссыльных и даже на местных миллионеров. Я нарисовал, а папа сочинил эпиграммы. Все очень веселилось. А на другой день пришел Саша бледный и расстроенный: «Как бы нам, Костя, снова в лагерь не угодить. Разговоры идут по городу, что шаржи наши — издевательство над работниками советских органов милиции». Но, к счастью, разговоры скоро стихли и все обошлось...

Я стал бывать у Ротова. Лагерь и ссылка не убили в нем огромного чувства юмора. Интересно ко всему новому и просто мальчишеской любви ко всякой технике.

Построили новый мост в Лужниках — и Константин Павлович поехал посмотреть. Появились кухонные комбайны — и Константин Павлович немедленно приобрел. Сам возился с комбайном. Впрочем, недолго. Что-то случилось с этой замечательной машиной, и она стала расшвыривать мясной фарш по всей кухне. К великой, впрочем, радости Кисы-Муры, фотовской любимицы.

Новый фотоаппарат оказался непригодным для съемки с близкого расстояния, а Ротову, обожающему все живое, надо было снимать и насекомых. Муравьев, к примеру. И пришлось купить другой аппарат. Более совершенный.

Я не расспрашивал Константина Павловича о пережитом, но иногда в разговоре он касался этой темы:

— Когда меня арестовывали, уходя из

дома, я сказал своим, что вина за мной никакой нет. Что, конечно, во всем разберутся, и я скоро вернусь домой...

Точно такие слова я услышал от отца. Теперь-то я знаю, что с этими словами уходило миллионы людей. Но возвращались они очень не скоро, а многие не вернулись вовсе.

Константин Павлович рассказывал:

— Следствие вел Владзимирский — высокий, стройный красавец. Он сажал меня перед собой. Придвигал к моему лицу настольную лампу и направлял свет мне в лицо. Мощная лампа так сильно светила и грела, что, казалось, вот-вот глаза лопнут. Потом он снимал с руки часы и аккуратно клал их на стол. Я знал — будет бить. А он не просто бил, а пытал, да так, что и вспомнить об этом страшно. Иногда он на сутки(!) запирали меня в маленькую камеру-шкаф. Там не то что лечь, сидеть было нельзя. Только стоять. Сутки... Одно время он держал меня в одиночной камере. Для меня это тоже было пыткой. Я тяжело переносил одиночество. Чтобы не сойти с ума, рисовал маленьким обмылком на брочках. Стирал нарисованное и снова рисовал...

— Я человек не злой, — говорил Константин Павлович, — но этому красавцу я желал смерти. И бог услышал мои молитвы. Вслед за Берией в числе других был расстрелян и мой следователь... Однажды в камеру мне принесли чистую рубашку и приказали надеть. Через некоторое время повели куда-то. Привели в большой кабинет. Огромный письменный стол. Массивные кресла. В выдвинутом ящике стола видны резиновая дубинка и пистолет. Неожиданно открылась дверь, которую я сначала не заметил, из нее появился Берия. Он долго рассматривал меня. Потом спросил: «Почему вы не в партии?» — и, не дожидаясь ответа, ушел. Видно, наркому любопытно было взглянуть на карикатуриста — «врага народа», ордер на арест которого он собственноручно подписал.

В комнате у Кисы Владимировны — вдовы Ротова — висит его портрет. Товарищ по лагерю — Константин Иванович Лебедев — изобразил Константина Павловича с котом на руках. Кота звали Мордафон. Всюобщий любимец доставлял заключенным много радости. Но беднягу Мордафона постигла трагическая судьба. Он был съеден. И съеден был, что особенно обидно, любителем поэзии. Старик, убивший Мордафона, никогда не расставался с томиком стихов древнегреческих поэтов. Одним словом, был он интеллигент и лирик и поступил так с Мордафоном, конечно же, не от хорошей жизни.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ РОТОВА К. П.

К. РОТОВ
АВТОШАРЖ

перечень: «Правда», «Рабочая газета», «Комсомольская правда», «Гудок», «Прожектор», «Огонек», «Смехач», «30 дней», «Лапоть» и др.

Кроме работы в прессе, участвовал во многих художественных выставках — как отечественных, так и зарубежных...

...С 1920 по 1940 год проиллюстрировал много книг. Вот только часть из них: сказки Андерсена, сказки братьев Гримм, сказки Салтыкова-Щедрина. Книги советских писателей: К. Чуковского, С. Михалкова, А. Барто, Ильфа и Петрова, В. Катаева, И. Уткина и др.

Работал и над оформлением театральных постановок.

В 1940 году был арестован по ордеру Берии и пробыл в ИТЛ до 4 января 1948 года. По возвращении я начал работать над иллюстрациями к роману А. Франса «Современная история», над детской книгой С. Михалкова «Дядя Степа» и над сказками Пушкина.

Завершить начатое не удалось, так как без предъявления каких-либо обвинений был отправлен на бессрочное поселение в С.-Енисейск.

В 1954 году решением военной коллегии Верховного Суда СССР был от ссылки освобожден и полностью реабилитирован...

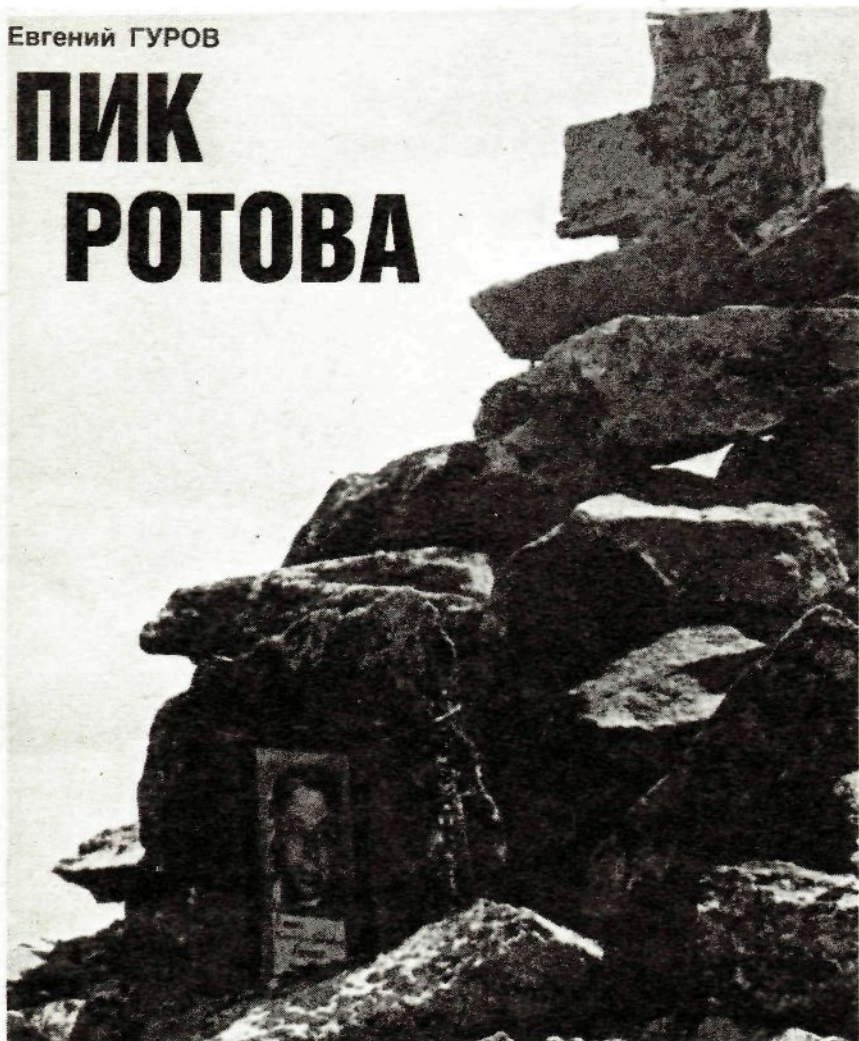
В 1922—1923 годах начал работать в журнале «Крокодил» и постоянно в нем печатался до 1940 года.

За этот период был сотрудником многих журналов и газет.

Сейчас мне трудно вспомнить все названия изданий, но вот приблизительный их

Евгений ГУРОВ

ПИК РОТОВА

— Когда укладывались спать на нарах, одежду клали под голову,— рассказывал Константин Павлович,— чтобы целее была. И все-таки у меня украли любимую рубашку. Огорчился я очень. Подходит «пахан»: «Что случилось?». Я рассказал. «Найду!» — сказал «пахан». Повернулся и ушел. Вечером ко мне подошел уголовник с огромным синяком под глазом и вручил мне мою рубашку: «Вот. Велено вернуть...» Что «политические» меня уважают, я знал, но что и уголовники...

В Соликамске отбывал срок известный конференсье Алексеев. Этакий аристократ. Получив пайку хлеба и миску балабды, он не принимался за еду, не расстелив на коленях вместо салфетки давно не белый носовой платок. Как-то, ведя концерт для заключенных, Алексеев, обращаясь к залу, пошутил: «Мы все тут дети. Нам всем от пяти до пятнадцати». Гонораром за шутку была нешуточная добавка к сроку...

— В 1948 году я отбыл свой лагерный срок. В Москву меня не пустили. Прописали в Кимрах,— рассказывал Ротов.— Тем не менее я часто бывал в Москве. Иногда даже оставался ночевать, чего делать не полагалось. Однажды ночью раздался звонок. Вошли двое: «Живущие— все прописаны?» «Все!» «Проверим!» И пошли по комнатам. За ними в квартире появилась дворничиха. За ней понятые. И, конечно, обнаружили меня. А обнаружив, арестовали... Когда я оделся и был готов идти, жена старшего брата сказала: «Костя, у тебя на пальто оторвалась пуговица. Снимай, я пришью». И она сказала это так категорично, с такой уверенностью в своей правоте, что люди, которые могли увести человека не только без пуговицы, но и без пальто, послушно сели на диван и терпеливо ждали, пока Лидия Ивановна не спеша сделала свое дело.

Повторю: пройдя круги ада, Ротов остался веселым и жизнерадостным человеком.

Прихожу как-то, вешаю пальто в прихожей, а из комнаты Константина Павловича раздается веселый смех, точнее, хохот.

— Знакомся,— говорит Константин Павлович,— это бывший главный инженер Шатурской электростанции. Знаешь, чего мы смеемся? Вспомнился один случай. Гнали нас этапом. Когда проходили через деревни, сердобольные люди кидали нам то хлеба кусочек, то картофелину вареную. Конвоиры на это смотрели сквозь пальцы. Но почему-то бдительно следили, чтобы соли нам не передали. И вот конвоир заметил, что соли кулечек кто-то бросил. Прошли мы деревню, и остановили нас в чистом поле. Приказали раздеться и разуться. И стали одежду нашу обыскивать. Вот и вспомнили мы, как плясали голые на снегу. Какие коленца выкидывали, чтоб не заоченеть. Мороз-то был тридцать да с ветерком. А соли не нашли. Видно, померещилось конвоиру.

Рассказывая о тюрьме или лагере, Константин Павлович почти не пользовался жаргоном тех мест. В речи его очень редко мелькали «шмоны», «вертухай», «паханы» и прочее.

— Хуже всего в лагере приходилось людям необщительным и тем, кто юмора не любит и не понимает,— говорил он.— Вот был в лагере наш молодой парень. Эстоонец. Тяжелоатлет. Мастер спорта. Богатырь. По-русски говорил очень плохо. И, видно, поэтому друзей в лагере у него не было. И давило на него одиночество и сознание «отсутствия состава»... Чах он на глазах. Погиб буквально за два месяца.

— А вот другой пример,— продолжал Ротов,— когда я еще был подследственным, в одной камере со мной сидел пожилой профессор. Он страшно был подавлен тюремной обстановкой, методами следствия. Жаловался мне: «Константин Павлович! Не могу я привыкнуть к своему уничижительному положению. К тому, что в уборную меня провожает офицер. И пока я там, я не могу закрыть дверь. А он стоит передо мной и наблюдает. А потом дает мне клочок газеты и, предвзвительно заглянув в унитаз, спускает воду... Ужасно все это...». «Ну, что вы, профессор,— я ему говорю,— это же прекрасно. То, что офицер стоит у открытой двери,— это ж он заботу проявляет. Смотрит, удобно ли вам. Ну, а что в унитаз заглядывает, так это от того, что

работа вашего желудка его беспокоит. Здоровье ваше его волнует. Ну, а воду сам спускает, чтобы вас не затруднять».

И первый раз после ареста профессор улыбнулся. «Очень,— говорит,— вы меня утешили, Константин Павлович. Если научусь смотреть на все вашими глазами, то, глядишь, и выживу!»

— Между прочим, в лагере,— рассказывал Константин Павлович,— я узнал, как я знаменит. Ко мне подходили товарищи по несчастью и спрашивали, не тот ли я Ротов, который нарисовал «скандал на кухне».

— Как-то,— вспоминал Ротов,— старшина заказал мне ковер. Он принес байковое одеяло, которое я должен был разрисовать. Старшина подробно рассказал сюжет. Сзади, слева — море. В море лодка с парусом. Сзади, справа — горы. На вершинах — снег. На первом плане действующий фонтан. У фонтана со сходством (старшина принес фотографию) должна быть изображена его любимая девушка. Рядом играет патефон. На пластинке мелко написано название любимой девушки песни. Над ней летит голубь, который держит в зубах(!) письмо от старшины, о чем говорит надпись на конверте. Заказ я выполнил. Старшина был доволен, я получил великолепный гонорар: полбуханки черного хлеба. Правда, одно условие я не выполнил. Но старшина на зубах не настаивал...

— Константин Павлович, я тут перелистывал старый журнал «Искусство». Там были репродукции двух панно для советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Там среди фамилий живописцев увидел фамилию «Ротов». «Это уж не вы ли?» — спросил я, уверенный, что речь идет об однофамильце.

— Представь себе, я. Панно написаны по моим эскизам. За двое суток я сделал их акварелью, причем все персонажи с портретным сходством.

После этого разговора я снова разглядывал репродукции.

А на панно были десятки людей. И Папанин, и Качалов, и Стаханов, и Дуся Виноградова... На двух панно — человек семьдесят!

Как-то Константин Павлович сказал мне: — Вчера получил письмо от Н., человека, который оговорил меня на допросе. Показания его были причиной моего ареста. Однажды встретился с ним в пересыльной тюрьме. Он слезно просил прощения. Даже на колени становился. Но не смог я его простить... Потом он приезжал в Москву, но ко мне зайти не решился. Мне позвонил Коля Соколов и сказал, что Н. хочет меня видеть. Я сказал Коле, что зла этому человеку не желаю, но что видеть его не хочу. Не могу... А теперь вот письмо... Снова просит прощения. Нечего мне ему ответить. Ничего я ему не напишу...

— Константин Павлович, как вас встретили коллеги, когда вы появились в Москве, отбыв срок? — спросил я.

— Откровенно говоря, не все стремились со мной встретиться. Ведь я еще не был реабилитирован... Первым ко мне пришел Бродаты, Лев Григорьевич. Держался он так, как будто не восемь лет прошли с последней нашей встречи, а пара дней. Он пришел и сказал: «Константин Павлович, когда вы были у меня, вы забыли папиросы». Он достал из кармана начатую пачку. Это были папиросы, выпуск которых прекратился перед войной. Он хранил их восемь лет! Пока жив, буду помнить...

— Когда мы были молоды,— рассказывал мне Ротов,— мы очень много работали, но и отдыхали весело. Какие вечеринки закатывали. Животы потом болели, но не от съеденного и выпитого, а от того, что смеялись много.

**Продолжение
следует**

К. РОТОВ

БУДНИ ОБЩЕЖИТИЯ, 1927 г.

Валерий ДЕКОВ, специальный корреспондент Крокодила

ДРУЖНО И С ПЕСНЯМИ

ПРОВАЛИЛАСЬ АРЕНДА НА БЕЛГОРОДСКОМ МЯСОКОМБИНАТЕ

Нынче аренда в моде. Нынче только об аренде и толкуют. И все равно неожиданно, словно выстрелом, прогремело из Белгорода: «Впервые в стране! Коллектив Белгородского мясокомбината взял предприятие в аренду».

Надо ли говорить, что Крокодил немедленно отрядил туда своего корреспондента. Ведь аренда — это как раз тот экономический рычаг, который переведет стрелку производства колбас, сосисок и копченостей на рельсы личной инициативы и заинтересованности, хозяйской сметки и предприимчивости. Это тот волшебный сезам, который распахнет дверь в пещеру с мясными сокровищами.

— Аренда? Это замечательно. Это то, что нам позволит покончить с расточительностью, нарушениями производственной и трудовой дисциплины, выведет предприятие на новый виток развития, — обрадовал спецкора директор комбината Н. Ермола.

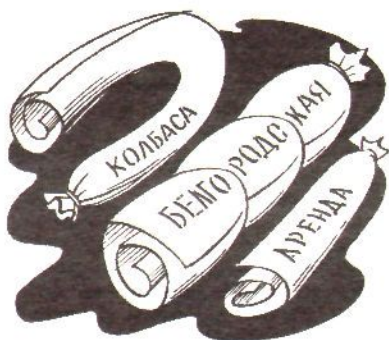
— Аренда? А что это такое? — орошила вопросами миловидная обвальщица мяса. (Для несведущих: обвалька — срезание мяса с костей, тяжелейшая, малопроизводительная и, к сожалению, пока не поддающаяся механизации ручная операция при переработке туш животных на мясокомбинатах. На этой операции, как правило, работают женщины.)

— Если это — вкалывать до синих мух в глаза и ломоты в коленках, тогда я уже двадцать лет на аренде, — энергично сказала ее соседка по столу, ловко орудуя при этом здоровенным ножом.

А про ту аренду, на которой работники, показывая чудеса производительности, распоряжаются прибылью по собственному желанию, они только в газетах читали, потому как у себя, сколько ни соскребай мяса с костей, больше чем на 170 рублей не соскребешь — расценки-то низкие. И не чувствуют они новаций, даже зарплату от казались получать по-новому — от дохода: не видят для себя от аренды перемен к лучшему. На вопрос же, зачем вверх руку «за» тянули, плечами пожимают.

Да и как им эти перемены увидеть, если, по признанию директора мясокомбината (после того, как утихли восторги по поводу знакомства с представителем столь славного журнала и начался деловой разговор), администрация пришла к людям лишь с бумажкой договора: не смогла под него предложить ни хорошей, производительной техники, ни даже обещаний более или менее приличной зарплаты. Ведь предприятию с почти 6-миллионным доходом после всех расчетов с государством, затратами на текущий ремонт и приобретения фондового оборудования придется пойти по миру с протянутой рукой — добирать денежки на социальные программы. А что прикажете делать? Общежитие на 60 квартир достраивать надо? Надо. Колбасный цех и энергоузел (старые вконец разваливаются) проектировать надо? Надо. Территорию благоустроить надо? Надо...

Мясокомбинату хватило бы средств с лихвой и на «карманные» расходы осталось, если бы не постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1987 года за № 1428, по которому ему как предпри-

ятию, работающему на полном хозрасчете и самофинансировании, надобно раскошелиться в текущем году на 470 тысяч целковых в «централизованные фонды и резервы вышестоящих организаций». Ну как, спрашивается, при такой экспроприации сформироваться хозяйскому чувству? Какая же тут самостоятельность, если «сверху» командуют, кому сколько за что и на что давать? Будь все иначе — можно не сомневаться, коллектив хорошенько бы подсчитал, нужны ли ему и в каком объеме руководящие услуги арендодателя Белгородмясоагропрома, в чьи фонды он должен отстегивать свои кровные.

Неужели областные руководители не чувствуют, что то, о чем они бухнули в рельсу на всю страну, есть не что иное, как окруженный со всех сторон рогатками ведомственных предписаний обычный хозрасчет, где пока всех достижений — чековая система внутрикомбинатовских расчетов между подразделениями да право распоряжаться численностью работающих в пределах фонда заработной платы? Вот и директор при расшифровке аренды только о чековых расчетах и заводил речь. Неужели не понимают, что аренда тогда становится новой формой производственных отношений, когда арендатор не только экономически самостоятелен, но и защищен от указующего перста вышестоящих контор, когда на его натруженном хребте не сидят ведомственные диктаторы с ложкой?

Нет, не арендаторы белгородские мясопереработчики на своем предприятии. Не хозяева. Ну где это видано, например, чтобы арендатор прогнали или крал свою же продукцию? Между тем на белгородском мясокомбинате за первые четыре месяца работы на аренде (с ноября 1988 года по февраль нынешнего) было поймано за руку 52 несуну.

— Мы не боимся того, что вы там у себя напишете. Мы вообще ничего не боимся, — так встретил спецкора Крокодила представитель Белгородагропрома В. Булыгин. — Единственно, чего бы хотелось, так это объективности. А она такова: из-за нехватки мясоперерабатывающих мощностей в области ежемесячно не успевают переработать около 2000 тонн скота, теряется за счет его передержки 18 000 тонн драгоценных кормов, 30 млн. рублей дохода. Поэтому мы и стоим за аренду как за единственно реальный на сегодня путь резкого увеличения производства мясопродуктов и будем теперь переводить на нее все мясоперерабатывающие предприятия области.

Что аренда нужна — кто спорит. Но

ведь, повторяю, то, что имеется сегодня на Белгородском мясокомбинате, вопреки высоким утверждениям, вовсе не аренда, а, извините, ее профанация. Я уже не говорю об экономической стороне дела: коль скоро мясокомбинат производит продукцию, то он сам должен ею и торговать. Не распределять по фондам и нарядам, а именно торговать. За деньги! С юридической стороны тоже немало вопросов набегают. И первый из них: имеет ли юридическую силу сам договор об аренде между Белгородским мясокомбинатом и объединением Белгородмясоагропром? Юрисконсульт областного агропрома В. Шевченко, человек в профессиональном плане весьма квалифицированный, считает, что не имеет, потому что объединение не держатель материальных ресурсов, а лишь руководящий орган. Держателем же материальных ресурсов выступает государство, которое и должно передать их в пользование коллективу мясокомбината. Представляет, какая интересная ситуация сложилась: мясокомбинат сам с собой договор об аренде заключил.

Белгородских аграрников понять можно. Кому охота убытки нести? А тут еще и указ об аренде вышел. Дело это вроде прогрессивное, есть возможность отличиться, в передовики выскочить. Только вот зачем же так беззащитно с хорошей идеей обращаться? Пользы никакой — одна дискредитация. Ведь оттого, что аренду прокричали, мясокомбинат производительней работать не стал. Это и его директор признает.

— Если честно, не для печати, — признался мне при последней встрече Н. Ермола, — я на этот эксперимент с охотой пошел: вдруг под него чего дадут — дыры залатаем. И, знаете, дали: металл и стройматериалы для цеха мельной, автобус, экскаватор, молоковоз, бортовой ГАЗ-53. А так, я ведь понимаю, нам до настоящей аренды, о которой экономисты толкуют, еще плыть и плыть. Но и эта хороша, особенно чековой системой.

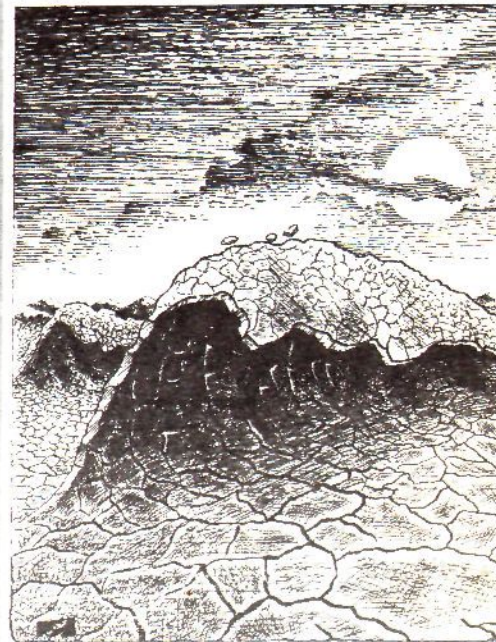
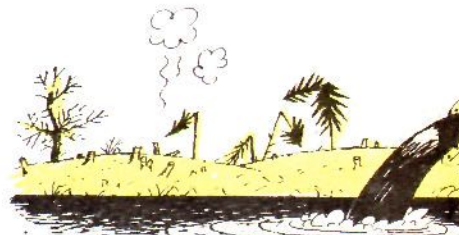
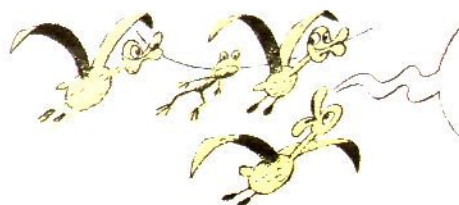
Вот так, уважаемые товарищи, об аренде: не больше и не меньше.

— Неужели вы не знаете, как все это делается? — в сердцах воскликнул главный инженер объединения В. Семенов. — Вызвали нас в обл агропром и приказали заключить с комбинатом договор на аренду, а иначе, мол, премии лишим. Только не вздумайте этого публиковать. От всех слов откажусь.

Что ж, прием — с диктофоном говорить не желаю, а без него почему не пооткровенничать, не поплакать в жилетку (попробуй, если что, докажи) — не оригинален и широко используется руководителями ответственными товарищами при встрече с прессой.

Как видите, одному пряник посулили, другому кнутом пригрозили. И дело пошло. Правда, не с реальной арендой, а бумажной. Но что из того: есть реальная аренда или ее нет — это не главное. Главное, чтобы бумаги летали: одни с предписаниями вниз, другие с рапортами об их выполнении — вверх. Главное, чтобы момент выбрать и во всеуслышание заявить: мы за новое и в его русле. А затем обязать всех дружно и с песнями перейти на арендный подряд.

Белгородская область.

Анатолий ПРИСТАВКИН:

«ЕСЛИ ЗАВТРА ЗАКОНЧИТСЯ ПЕРЕСТРОЙКА, МЕНЯ НЕ БУДЕТ»

— Анатолий Игнатьевич, до недавнего времени наиболее простым способом познакомиться с жизнью зарубежных читателей по месту их «прописки» была эмиграция. Ныне другие времена и порядки. Наши литераторы ездят по приглашению зарубежных издателей, читательских клубов, никто не посягает на гражданские права наших авторов. Ваша повесть «Ночевала тучка золотая...» переведена сейчас на многие европейские языки и, можно пошутить, открыла вам Европу. Вы знакомитесь с ней и как писатель, и как народный дипломат. Какие мысли рождает у вас общение с Западом?

— Я довольно давно написал свою повесть. Ни один журнал до перестройки не принимал ее к печати. Тем более издательства, хотя другие мои книги и выходили. Были трения с чиновниками из литаппарата Союза писателей. На Запад в качестве писателя дальше шереметьевского аэропорта не ездил. Да и то по печальному поводу: провожал изгоняемых из страны писателей — Аксенова, Коржавина, Копелевых и других. Чиновники считали меня чем-то вроде... ну, диссидента, что ли. Теперь повесть напечатана, ее переводят, меня приглашают на презентации книги читателям — езжу! Без диссидентского ярлыка, слава богу! И я по мере сил способствую исчезновению на Западе стереотипа «образа врага». Моя страна выходит из международной изоляции, нам начинают верить, перестают нас бояться — как могущественной военно-ракетной державы и как общества, которое мечтает распространить свои очереди на весь мир.

Какие еще мысли рождает у меня общение с заграницей? Моим мыслям 150 лет. Вот они. Некоторым образом мы народ исключительный: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обретем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?»

Эти слова принадлежат нашему талантливому писателю и философу П. Я. Чаадаеву. За публикацию этих мыслей из его «Философического письма» журнал «Телескоп» был закрыт в 1836 году. Почему-то у нас мало читают Чаадаева. А зря! Нам представлялось, что мы слишком далеко забежали, а выяснилось — плетемся в хвосте. Когда четыре года назад наше общество решило подвести некоторые итоги, реальные, а не ложные, оказалось, что у нас высокая детская смертность, антисанитарные родильные дома, немилосердное отношение к старикам, много брошенных детей... Намеренно не перечисляю другие наши беды, выросшие до гигантских размеров. Но вот из своих поездок и разговоров с рабочими, студентами, пенсионерами, русскими эмигрантами я вынес убеждение, что они по-своему переживают за успех нашей перестройки. Сопереживают! Все наши

наиболее интересные статьи в газетах немедленно перепечатываются за рубежом.

Впервые в Западной Европе, в ФРГ, я оказался в прошлом году — в делегации писателей, которая была приглашена Баварской академией искусств. Встречи с людьми затягивались до полуночи. На вопросы я отвечал без утайки, и вот мне прислали записку: «Мы боимся за вас! Приедете в Москву, вас арестуют за ваши высказывания». Автор этой записки доброжелательный человек, но он сомневается, что перестройка у нас побеждает. Впрочем, у нас дома тоже не все верят в успех. Да и не все являются сторонниками перемен в обществе. Но ведь нет другого пути возрождения Родины. Я не представляю, как буду жить, если перестройка потерпит крах. Меня просто не будет — духовно и физически. Кстати, издатель в Нидерландах, выпустивший мою книгу, сделал наклейку на обложке с выдержкой из одного моего выступления: «Если завтра закончится перестройка, меня не будет». Как позже сказал мне издатель, эта наклейка позволила увеличить тираж книги «Ночевала тучка золотая...».

По моим наблюдениям, зарубежная интеллигенция с хорошим настроением встречает духовное возвращение на Родину выдающихся русских философов, писателей, деятелей науки. Сами они, увы, приехать в Москву уже не могут... Тут я должен произнести слова благодарности в адрес тех зарубежных издателей, университетских ученых да и просто коммерсантов, которые помогли сохранить нашему культурному багажу — русским философским работам, романам, повестям. Например, арестованный на Родине роман Василия Гроссмана русские эмигранты собирали буквально по частям, которые попали на Запад...

Не знаю, найдется ли на свете общество, которое бы с такой легкостью лишило себя наиталантливейшей части граждан. Командно-бюрократическая система, господствовавшая в годы сталинщины и застоя, не терпела возле себя одаренных людей. Происходила своего рода антиселекция: крупные колоски уничтожали, а мелкие выращивали. В результате потерял генофонд. Слона нельзя заменить даже тысячей кроликов, как заметил один баснописец. Имя ученого Питирима Сорокина известно во всем цивилизованном мире. Он один из основоположников американской социологии. А ведь он — наш! И после революции преподавал дома. Вспомним российского изобретателя И. И. Сикорского, который составил славу мировому воздухоплаванию, под его руководством в США созданы военные и пассажирские самолеты, вертолеты. А наши даровитые русские литераторы начиная с Бориса Зайцева, оказавшегося в эмиграции? А Ремизов и Бунин, так никогда и не вернувшиеся на Родину? Мы привыкли к тому, что наша пресса сквозь зубы писала о лауреатах Нобелевской премии, принадлежащих русской культуре. Это можно сказать про Бунина, Пастернака, Солженицына, Бродского. Не так давно, в годы застоя, покинули Отечество писатели Некрасов, Аксенов, режиссеры-новаторы Любимов, Тарковский, музыкант-виртуоз Ростропович и другие. Какие замечательные подарки сделали наши ведомства западной культуре!

Сколько же лет понадобится нам,

чтобы покрыть обнаруженные дефициты в духовной жизни! Мы не устаем повторять, как нужны талантливые, работающие люди. Писатель Черниченко без устали говорит о вопиющем положении, когда хлебодородная наша страна обменивает свой золотой запас на иностранные хлебные излишки. Родные наши очереди и нехватки — отдаленные результаты пертурбаций в обществе, которые десятилетиями протекали под разными лозунгами. Единственный выход из тупика — планомерное развитие демократии...

— Вы находитесь в числе организаторов известного теперь движения «Писатели в поддержку перестройки», коротко — движение «Апрель». Что заставило московских писателей внутри своего творческого Союза организовать это общественное движение?

— В Манифесте «Апреля», принятом в марте этого года на собрании московских литераторов, говорится о причинах возникновения нового движения: «Мы глубоко убеждены в том, что Союз писателей оказался организацией, не пригодной для реального осуществления перестройки в литературном деле. Четыре года, прошедших с апреля 1985 года, свидетельствуют об этом вполне определенно. Недаром на различных собраниях писателей-москвичей все громче раздаются голоса, что нынешний Союз писателей представляет собой, как и прежде, «министерство литературы», то есть придаток командно-бюрократической системы... Авторитет Союза писателей про-

НА ПУТИ К ИЗВЕСТНОСТИ

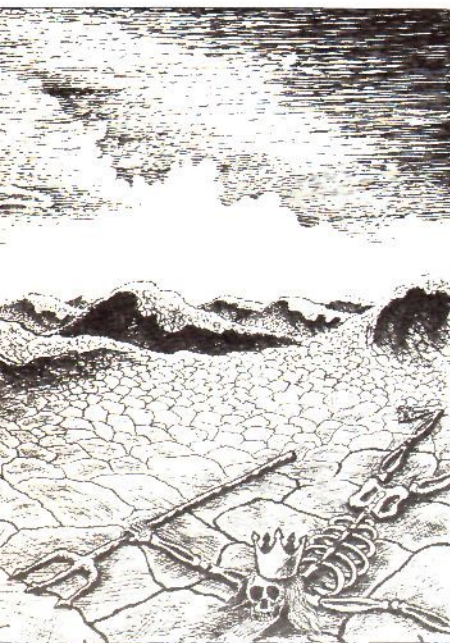
Трудовой семестр студента Литинститута.

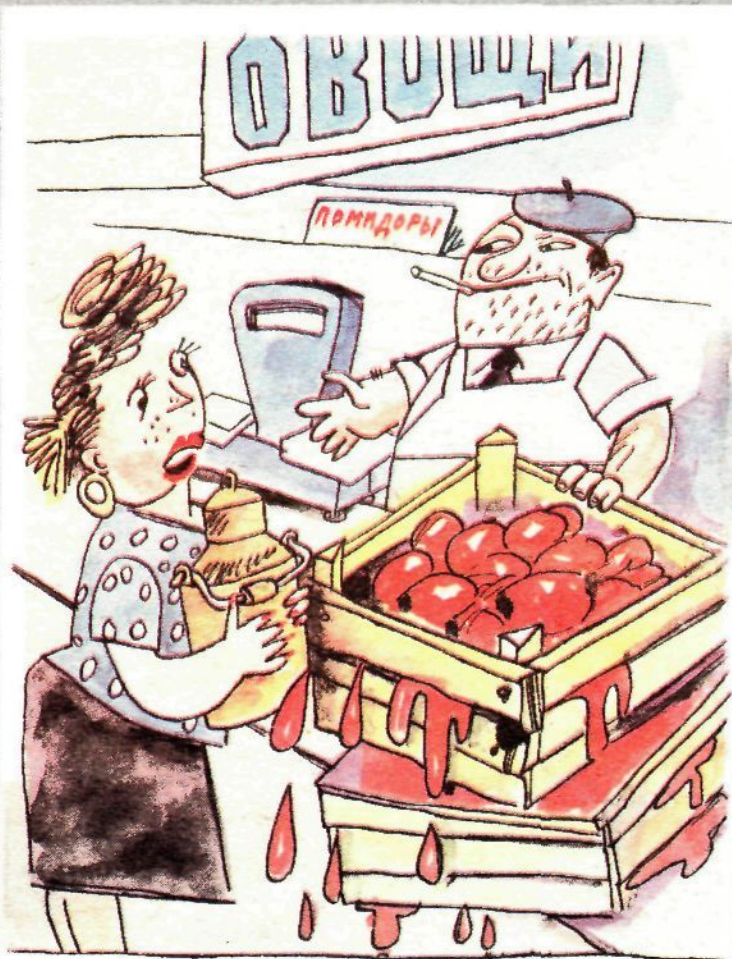
Г. ОГОРОДНИКОВ, Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО (тема).

В. КАНИВЕЦ, г. Ленинград.

А. МЕРИНОВ.

— Вам сколько?
— Литр!..

С. СПАСКИЙ, М. ВАЙСБОРД (тема).

С. РЕПЬЕВ.

В. ЛУГОВКИН.

— Видно, французская говядина на базу поступила!

И. НОВИКОВ, Р. ДРУКМАН (тема).

НЕДОУМЕНИЕ

Очередь стоит у магазина,
В сложные колечки завилась,
Среди луж с наплывами бензина
Месит перемешанную грязь...
В день зарплаты и не в день зарплаты
На вино мусолятся рубли...
Неужели это мы, ребята,
В космос запускаем корабли?

За лекарство я б отдал полцарства,
А в аптеке слышится в ответ
На вопрос: «А есть у вас лекарство?» —
«Этих нету...», «Тех подавно нет!».
Не достанешь порошка без блата,
А без них — здоровье на мели...
Неужели это мы, ребята,
В космос запускаем корабли?

Въехал в дом. Восторгов не скрываю.
Но от сотни дел едва дышу —
Что-то клею, что-то забиваю,
В магазин за красками спешу...
На прилавках как-то небогато...
Не произвели? Не завезли?
Неужели это мы, ребята,
В космос запускаем корабли?

Сотню миль пройдя по учреждениям,
Где сплошной столоначальный люд,
Я твердил с великим убеждением:
«Братцы, верьте мне, я не верблюд!»
Но пробить не просто бюрократа —
Там они, как в дотах, залегли!..
Неужели это мы, ребята,
В космос запускаем корабли?

Жизнь идет негаданно-нежданно,
Но какой же кооператив
Даст нам одноразовый желанный
Шприц и плюс к тому презерватив?
А пока мы страхами объаты,
Словно на глухом краю земли...
Неужели это мы, ребята,
В космос запускаем корабли?

Если мы, то как же? Отчего же?
Почему — пора бы объяснить —
Сами мы себя никак не можем
Вылечить, одеть и прокормить?
Вот они, печальные дела-то,
До чего доехали-дошли!..
И при всем при этом мы, ребята,
В космос запускаем корабли!

Владимир БОЛОХОВ

**САДОВОДНАЯ-
ХОРОВОДНАЯ**

Было время:
отработал,
погулял,
сходил в кино,
в баньку с веничком —

в субботу,
после бани —
в домино...
Было, да уплыло счастье,
и вернуть его нельзя:
приобрел под сад участок,
как та баба — поросся...

Слыл речистым я когда-то.
А теперь — что автомат —
знай, долблю:
«Кирпич — зарплата,
трубы —
мало двух зарплат...»

В выходные —
раньше птичек —
просыпается жена.
Дальше чертовых куличек
забирается она.

С электрички самой поздней —
еле ноги волокет.
Не гвоздики в сумке —
гвозди,
а в другой-то мел —
не мед...

— Балки видела —
на свалке! —
шепчет,
рухнув у дверей...
Капли-склянки,
елки-палки!
К черту —
лук и сельдерей!..

А вчера меня
будили,
стал среди ночи напевать:
«Сами садик посадили,
сами будем... корчевать...»

Борис РЕПИН

ВЕСОМОСТЬ СЛОВА

Я получил десятку за стихи,
опубликованные областной газетой.
И суть совсем не в качестве строки,
она скорей всего в десятке этой.
Я на нее купил себе утюг,
обычный, электрический, железный,
предмет в сравнении с прочими полезный,
порою без него мы как без рук.
Слова словами испокон веков,
пусть даже звонкие,
пуская подобны грому.
А тут овеществление стихов,
глядя — они становятся весомы.
Стихи равны по весу утюгу?
Невольню радуюсь, когда умом раскину,
ведь я поэму написать могу,
авось, она потянет на машину.
г. Южно-Сахалинск.

ПАМЯТИ КРОКОДИЛЬЦА

Скончался Наум Давыдович Лабковский — один из старейших крокодилцев, известный писатель-сатирик, фельетонист, поэт-песенник, переводчик.

«Помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела» — эти слова Н. Лабковского из «Песни фронтového шофера», написанной в соавторстве с Б. Ласкиным, были жизненным кредо самого Наума Давыдовича. На 82-м году жизни, за сутки до кончины, он был еще весь в делах, полон планов, в отличной творческой форме.

«Ну, кто в нашем крае Челиту не знает!» Еще бы не знать Челиту, если пластинка с песенкой Н. Лабковского о вспыхивавшей мексиканской красотке крутилась буквально на каждом довоенном патефоне по всему Союзу.
«О любви не говори, о ней все сказано»,

ЧЕРНИЛА ДЛЯ ВОСЬМОГО

Как бы хорошо было, если б интеллигенты могли быть еще и нахалами! Только продавщица в гастрономе начнет кричать:
— Ишь ты, интеллигент нашелся! Кусочек ему попостнее! Много вас тут... Всем попостнее, чего я домой забирать буду?
А интеллигент-нахал в ответ ей интеллигентно так, по-доброму, с улыбкой:

— С таким характером могла бы быть и покрасивее!
Над этой фразой она так задумается, что человек пять вежливо отпустит, пока думать будет, что он ей сказал. Шестому, правда, все выскажет, чему ее учили за долгие годы работы за прилавком. И что он очкарик. И чего шляпу не надел? И сметана ему, видите ли, не очень жирная! На себя бы посмотрел, костяшка очкастая!

А очкарик, глядишь, еще нахальнее первого окажется. Поэтому еще интеллигентнее, еще ласковее, еще улыбчивее:
— Зачем вы так нервничаете, милая! Так хорошо на свете жить. Столько радости вокруг! Смотрите, какое у вас красивое зеленое платье! Так идет вам. Точно под цвет вашего лица!

Над этим комплиментом она уже задумается до конца рабочего дня. Конечно, поначалу ей непривычен будет этот процесс — думать. Да еще два раза в день! Зато со временем, чтобы понять, что эти нахалы-интеллигенты наговорят, ей вообще придется начать хорошую литературу читать. Глядишь, любимой героиней станет Наташа Ростова. И все! Другой человек за прилавком. Потому что трудно себе представить, чтобы Наташа Ростова сказала Пьеру Безухову: «Куды прешь, дурень очкастый?»

Вот и получается, что пока интеллигенты не станут нахалами, нахалы не станут интеллигентами!

Есть, правда, другой способ — бороться с ними тем, чего у них нет. То есть умом.

Проведите такой эксперимент: выберите киоск с наиболее яркой киоскершей, занимающей весь объем киоска, подойдите к ней и сначала вежливо и интеллигентно спросите:

— Будьте настолько любезны, если вам не трудно, разменяйте, пожалуйста, две копейки, спасибо!

Вы увидите, как она заранее ненавидит вашу интеллигентную речь. Таков уж ее хромосомный набор. Она сама одна большая сплошная хромосома. Поэтому тут же ответит вам примерно так:

— Пошел вон, я двушек не рожаю!
Это максимум, на что хватит ее нетронутой хорошей литературой фантазии. А вы попробуйте похитрее... Подойдите и для начала озадачьте ее. Прямо глядя в глаза, спросите:

— У вас «Справочник агрессора» есть?
Пока она смотрит, пытаясь сообразить, есть он у нее или нет, усугубите вопрос:

— А «Юного агрессора»?
И пока она думает, забирайте, чего надо, и уходите. Можно спросить еще «Телефонную книгу РСФСР». Надолго задумываются. И усугубить:

— А на узбекском языке? А с картинками?
Но самое сильное средство — поинтересоваться:
— Нет ли чернил для восьмого класса?
Действует настолько сильно, что обычно отвечают:
— Пока нет.

Так что неправильно многие говорят, будто с нашей сферой обслуживания неприятно иметь дело. Если с умом, то это одно удовольствие. Только с умом и не нервничая.

Например, на рынках они же издеваются над нами своими ценами и получают от этого удовольствие. А почему бы нам над ними не произдеваться и тоже не получить удовольствие? Придите на рынок в период весенних наглых цен и как всегда спросите:

— Почему помидоры?
Он, как всегда, ответит:
— По десять рублей.
А вы, опять-таки глядя очень серьезно ему в глаза, спросите:
— А за двадцать отдашь?

И продолжайте смотреть прямо в его зрачки умоляющим взглядом. У него тут же минута молчания на полчаса наступит. Тогда вы, продолжая смотреть в его немигающие, как пуговицы от подушек, зрачки, извинитесь:

— Ну ладно, раз вы думаете, я вон к тому пойду. Он за тридцать уступит.

И у того, который в столбняке остался, настроение на всю жизнь испорчено. А у вас хорошее. Потому что нет большей радости для нашего человека, чем испортить настроение другому.

Одним словом, если к нашей сфере обслуживания подойти с умом, то каждый день для вас может стать настоящим праздником!

«Домик на Лесной», «Ай да парень-паренек», «Вьется вдаль тропа лесная» — это все он, Наум Давыдович, озвученный голосами Сергея Лемешева, Леонида Утесова, Марка Бернеса, Клавдии Шульженко.

В конце сурового 1941-го Краснознаменный ансамбль под управлением А. В. Александрова грянул «Неспокойно родное море... Не плачьте жены, утрите слезы» — песню о военных моряках. Автора текста, военного журналиста Н. Лабковского, песня догнала по радио на Северном Кавказе.

В отличие от поэта-песенника, фельетонист Н. Лабковский знал не только аплодисменты. Не раз он слышал в телефонной трубке и угрозы от героев своих фельетонов. Но закаленный сатирик не робел и продолжал печататься в «Правде», «Известиях», «Крокодиле», «Смене», «Вечерней Москве», «Огоньке».

Неутомимый мастер на все руки, он познакомил советского читателя с такими корифеями польского юмора, как Анатолий Потемковский, Януш Осенка, Стефания Гродзеньская, с творчеством болгарских сатириков — Христо Пелитева, Ивана Вихренского и многих других. Сборники его переводов занимают книжную полку немалой длины.

В день кончины Лабковского вышел «Крокодил» с очередным его переводом с польского. Была там такая грустная сентенция: «В молодости нас заботит, что о нас думают. В зрелом возрасте нам безразлично, что о нас думают. И только в старости мы обнаруживаем, что о нас вообще никто не думает». О себе Наум Давыдович не мог бы этого сказать. О нем думали и долго еще будет с благодарностью думать множество людей, поющих его неумирающие песни, читающих его остроумные строки.

FRANCE INFORMATIONS * LA RÉVOLUTION FRANÇAISE

«Дерево Свободы».
Рисунок Пюи Розадо.

Площадь Бастилии была «взята» за 10 дней до 14 июля... 1989 года. Приветствуя нашего лидера, парижане всех возрастов, опоясавшие площадь плотным кольцом, высказали свое отношение и к перестройке, и к новому политическому мышлению, основанному на общечеловеческих ценностях. В сущности, тех же, которые определили пафос «Декларации прав человека и гражданина», тех, которые отразились в лозунге Великой Французской революции: «Свобода, равенство, братство». Восстановилась связь времен — июль, октябрь, апрель.

Бернар ФРЕДЕРИК

ВСТРЕЧА В НЕКОЕ 14 ИЮЛЯ

Камергер вошел в королевскую опочивальню. Людовик XVI завтракал цыпленком, держа его прямо за ножку. На нем была ночная сорочка весьма сомнительной белизны. Он сел на кровати, подоткнув под себя одеяло.

— Ну что еще? Мне когда-нибудь дадут спокойно позавтракать? Ладно, говори, камергер. Только быстро!

В то утро 14 июля 1789 года было невыносимо жарко. Однако окна королевской опочивальни в Тюильри были закрыты: его величество ненавидел сквозняки. Камергер же в три ручья обливался потом, поэтому он обмахивался своей широкополой шляпой, как

дама веером.

— Сир, народ осадил Бастилию.

— Но это же бунт!

— Нет, сир, это революция!

Людовик XVI вскочил с постели, бросив все, что осталось от цыпленка, на пол, устланный драгоценным ковром.

— Революция?! Уж не хотите ли вы, камергер, сами попасть в один из казематов Бастилии? Народ разогнать! И быстро, быстро! Где королева? Иди ко мне, моя милая, пойдём в сад. Революция, пфи... В Париже! Видали? «Взятие Бастилии» им подавай. А еще чего? Король ушел.

К вечеру солдаты, которым выдали карабины, окружили безоружную толпу, собравшуюся у входа в Бастилию на востоке столицы. Раздалась команда: «Примкнуть штыки!»

За ней другая: «Заряжай!»

Послали гарнизон швейцарцев: это было надежнее. К ночи манифестанты были разогнаны. Ходили слухи, что было много убитых и раненых. В прессе об этом не сообщалось. Собравшиеся в Зале для игры в мяч депутаты Генеральных штатов во главе с Мирабо потребовали провести расследование инцидента. Безрезультатно.

18 июля швейцарские гвардейцы окружили Зал для игры в мяч. Все депутаты были арестованы. Дворян попросили вернуться в свои владения, кроме тех, кто нес службу при дворе. Духовенство вернули в их приходы, кроме аббата Грегуара, которого отправили в Труа, на запад от Парижа. Депутатов от третьего сословия сослали на остров Эльбу благодаря соглашению, достигнутому с австрийским императором и Римским папой. Некоторые, впрочем, смогли избежать этой участи, но вынуждены были обитать в подполье...

Четыре года спустя, 14 июля 1793 года, плотный, но низкорослый молодой человек вошел в кафе «Прокоп» недалеко от Сент-Жермен, в двух шагах

от Института напротив Пале-Руаяль на берегу Сены.

Молодой человек, заложив одну руку за борт жилета, будто у него болит желудок, направился к пустующему в глубине кафе столику. С сильным акцентом, который выдавал в нем южанина, он заказал обед и вино. В ожидании, когда его обслужат, он прислушался к очень оживленному разговору, который вели за соседним столиком трое мужчин.

Первый был широкоплеч, лицо у него было усеяно маленькими шрамами, по которым можно безошибочно

определить — оспа. Второй — весьма чопорный, одетый с изысканной элегантностью, подносил к носу лорнет и говорил спокойно и с достоинством. В отличие от первого, который хохотал как извозчик и шлепал служанок пониже спины. Наконец третий, самый молодой, был с лицом ангела. Пылкий молодой интеллигент, каждая фраза которого получала молчаливую и благосклонную поддержку элегантного.

Одиноким посетителем слышал лишь обрывки разговора. Говорил самый молодой:

— От севера ждать нечего, прости

Социальное положение французского народа накануне Революции глазами художника Бюлло. «Третье сословие» (ремесленники, крестьяне и буржуа) тащит на себе первое сословие — духовенство и второе — дворянство.

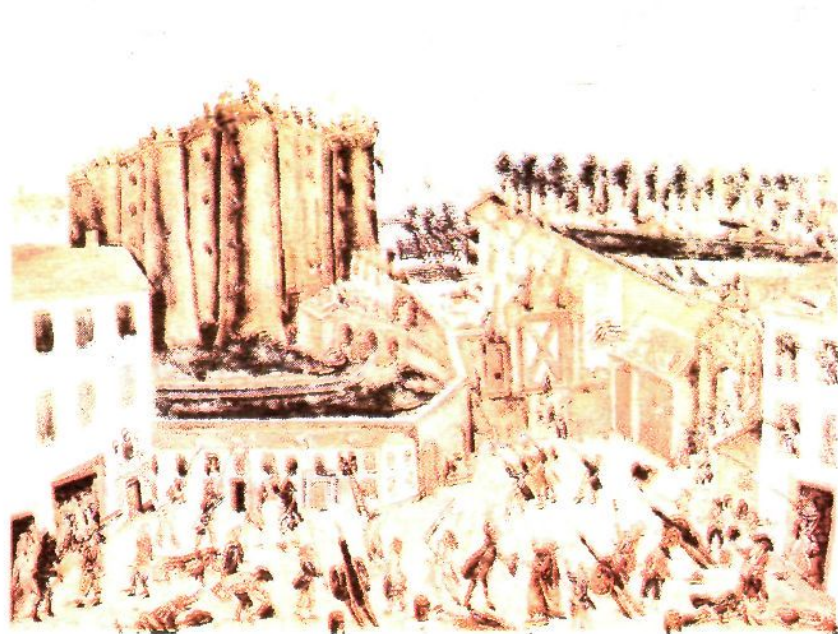

Рисунок XVIII века. «14 июля 1792 года. Взятие Бастилии».

— Куда бы вы хотели попасть — в рай или в ад? — спрашивает хозяйка.

— Трудно сказать, — говорит одна из женщин. — С точки зрения климата рай предпочтительнее, но в аду общество интереснее.

После объявления на вокзале о том, что прибытие поезда задерживается на час, пожилой мужчина говорит:

— Ничего странного — в нем едет моя жена.

Режиссер говорит молодой актрисе:
— В новой пьесе вам предстоит играть роль неопытной и невинной девушки. У вас достаточно жизненного опыта для этой роли?

— Обвиняемый, у вас есть алиби?
— Чтобы ответить на этот вопрос, я должен обдумать ответ.
— Хорошо. Четырех лет на обдумывание вам хватит?

Пациент говорит психиатру:
— Спасибо, доктор, что вы меня излечили от мании величия. Сколько миллионов я вам должен за лечение?

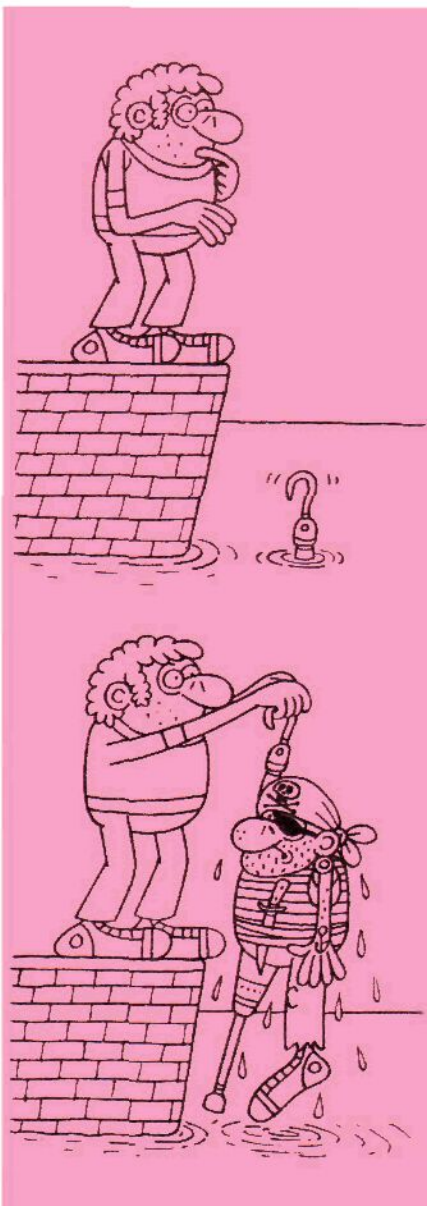
Американский коммивояжер, войдя в квартиру, демонстративно рассыпает из ведерка на ковер заранее приготовленный мусор и тут же начинает рекламировать изделие своей фирмы:

— Мадам, я готов съесть все то, что не вычистит наш замечательный пылесос! Эй, куда вы убегаете?

— На кухню за ложкой, — отвечает хозяйка. — У нас уже второй день нет электричества.

Охранник спрашивает заключенного:
— Интересно, за что тебя посадили?
— Будете удивляться — ни за что!
— Как это?
— Я забрался в квартиру, в которой нечего было грабить...

Из журналов «Дикобраз», «Рогач», ЧССР и «Стыршел», Болгария.

«Дикобраз», Чехословакия.

Хуан Ривера СААВЕДРА (Перу)

ЛИКУЕМ, БРАТЦЫ, ЛИКУЕМ...

Огромный управляемый корабль заходил на посадку. Наплевав на хаос и затянувшийся экономический кризис, столица готовилась к встрече со всем размахом. Приодевшись по этому случаю, ее жители смотрелись почти щеголевато — будто только что сошли с паперти. Грядущее событие благотворно сказалось на облике горожан. Если вчера они пухли с голоду, то сегодня их распирало самодовольство.

С высоты видно было, как толпа огромным неряшливо-бурым пятном обтекает ленту посадочной полосы. Как из пятна выпали на бетон несколько блеклых, взъерошенных капель — изможденных от счастья дикторов и журналистов, на чью долю выпало повести репортаж по всем радио- и телеканалам страны.

«Они уже на подлете! Сейчас мы увидим их лица!» — справившись наконец с волнением, затараторил первый. «Корабль приземлился, вот-вот они выйдут на трап!» — подхватил второй. «Наступает величайший праздник вселенной!» — резюмировал третий.

«Смотрите! Они друг за другом сходят вниз по ступеням! Боже, совсем как в тот день, когда человек впервые ступил на Луну!»

«Наконец к нам вернулось все золото Перу!»

«Достояние всей Америки!»

«Давайте хоть сегодня обойдемся без этих цветастых эпитетов! Итак, сеньоры, перед вами просто — герои всех времен и народов!»

«Неужто грешной земле дано великое право быть поправленной их стопами?»

Нет, до этого не дошло. Они были попросту лишены возможности попить землю. Один за другим прямо с трапа они взошли на плечи толпы, и та донесла их до самого центра столицы — в полном составе. Составе футбольной команды, наконец-то сыгравшей вничью с аргентинцами.

Перевел Н. ЛОПАТЕНКО.

Слова, слова...

Сколько нужно сделать ходов конем, чтобы доказать, что ты — не верблюд?

Из неопубликованных мыслей претендентов.

В скольких артистах умерли великие зрители!

Голос совести призывал обидеться, но хор меркантильных соображений его заглушил.

Алекси АНДРЕЕВ, болгарский юморист.

меня, Максимилиан. Юг, граждане... Юг! Надо поднимать юг, который дворяне держат в черном теле.

— Вперед! — вскричал оспинный.

— Не извиняйся, — воскликнул, улыбаясь, элегантный. — Ты прав. Юг! Твердая земля — твердые люди. Но пойдут ли они против дворянства?

Посетитель больше выдержать не смог:

— Они пойдут, мосье, пойдут. Я клянусь вам пресвятой девой: они пойдут. Я сам корсиканец; Корсика — с вами. Но я нахожу весьма неосторожным, что вы устраиваете заговор в подобном месте. Оно же кишмя кишит агентами короля.

Трое собеседников замолчали и с интересом смотрели на незнакомца. Его иностранный акцент их пугал. Оспинный правую руку запустил под плащ.

— Оставьте это, — сказал незнакомец. — Пистолет не нужен. Я ваш друг. Позвольте представиться: лейтенант артиллерии Наполеон Бонапарт. (Он произнес Бузнапарт.)

Трое других встали. Первым решил-ся оспинный:

— Дантон, — сказал он сердито и протянул руку лейтенанту.

— Максимилиан Робеспьер, — ска-

зал элегантный и, взяв за плечи молодого, представил: — А это Сент-Жюст, Луи. Наш поэт.

Четверо новых друзей решили немедленно уйти из кафе. На улице они наняли фиакр.

— Предместье Сент-Антуан, — приказал Дантон кучеру. — Я знаю там одно местечко, где мы сможем все спокойно обсудить. Кроме того, там дают белое вино. И уверяю вас, очень недурное.

У въезда в предместье фиакр остановился. Чудовищное здание Бастилии бросало тень на окружавшие ее убогие постройки. Четверо друзей повернулись к высоким башням крепости. Сент-Жюст и Робеспьер глубоко вздохнули. Лейтенант Бонапарт приставил к глазам руку козырьком:

— Сверху, наверное, — сказал он, — очень далеко видно. Как с вершин пирамид.

Дантон добродушно хлопнул его по спине и расхохотался:

— Россия, лейтенант. Сверху ты видишь Россию, черт меня побери. Пойдем, пропустим стаканчик. Не стоит терять голову из-за этой кучи булыжников.

Перевел

Рубен БЕКНАЗАР-ЮЗБАШЕВ.

Карикатура «РЕСПУБЛИКИ-СЕСТРЫ». На глазах у обеспокоенных монархов антиреволюционной коалиции растут, как осенние грибы, свободные республики: Батавская, Римская, Гельвеция...

А в правом углу — республиканский эстамп 1792 года с неизменными атрибутами Революции: фригийским колпаком, галльским петухом, трехцветными кокардой и флагами. Лозунг «Единство и неделимость Республики! Свобода, равенство, братство или смерть!»

Евгений ВЕЛИХОВ

Высокое чело Сократа,
Простые нравы демократа...
Пусть Академия гордится,
Что у нее такие «вице»!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.
Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. ВРИО родителя (монархич.). 7. Одна сторона в спорном вопросе. 9. Картинное движение кисти. 10. Хорошо простреливаемое заведение (вестерн). 11. Подручное средство при подъеме (лестничн.). 12. Горный сход. 13. Холод в превосходной степени. 14. Другая сторона в спорном вопросе. 18. Субъект, изучивший проблему стеклотары изнутри. 19. Комары да мошки (обобщающ.). 22. Слово, которое мы говорим с надеждой и любовью. 25. Средство от слабости (спорт.). 27. Наживное дело. 29. «Фитиль» для маленьких. 30. Один из отцов О. Бендера. 31. Самая ценная фигура в шахматах. 33. Место разгула свободы слова. 34. Очень твердый сухарь (фонетич.). 36. Вязаная вещь на память. 37. Материя, ставшая вторичной.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Бросовая цена в базарный день. 2. Удар, который часто приходится в стенку. 3. Туризм с протянутой рукой. 4. Место, откуда вылетают с ревом. 6. Оружие массового поражения (информ.). 8. Слово для выхода на связь. 10. Сказка без конца. 15. Вынужденная привязка к рабочему месту. 16. Силы на страже. 17. Жертва похитителя кораллов. 18. Плавание в сносных условиях. 20. Невесомое фортификационное сооружение (радиотехн.). 21. Приложение к доверию. 23. Игра с полной отдачей. 24. Дом в английском стиле. 26. Человек, который профессионально гоняет собак. 28. Изюмительное изделие (кондит.). 32. Хлесткий аргумент политика. 35. Способ разбудить соседа не просыпаясь.

Составил **А. ТАУТИЕВ**, г. Севастополь.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 21

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Сенсация. 8. Редакция. 10. Пословица. 13. Ствол. 14. Хобот. 16. Сосед. 17. Корыто. 18. Футбол. 22. Танец. 23. Рикша. 24. Колос. 29. Антросоли. 30. Холостяк. 31. Полемика.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Периметр. 2. Лампа. 3. Киоск. 4. Веник. 5. Гараж. 6. Филлистер. 9. Ходьба. 11. Колодец. 12. Мотобол. 14. Хутор. 15. Труба. 19. Каметрон. 20. Скелет. 21. Подборка. 25. Касса. 26. Отряд. 27. Горюх. 28. Кисет.

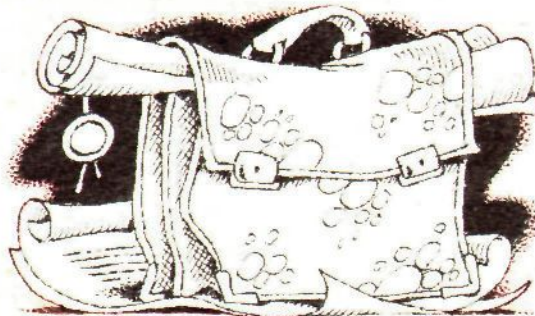
ИЗ ГИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ФЕДОТА КУЗЬМИЧА ПРУТКОВА (ДЕДА), НАЙДЕННЫХ В РЕДАКЦИОННОМ ПОРТФЕЛЕ КРОКОДИЛОВОЙ КОЖИ

СООТВЕТСТВЕННОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ОДНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Слокский целлюлозно-бумажный завод, в известную пятилетку план с торопливостью выполняя и внезапно в реку Лиелупе отходы свои спустивши; на то специальный корреспондент Крокодила Григорий Крошин, с пригожею курляндскою девкою по Рижскому взморью гуляя и незаметно, с отменною учтивостью, подпуская ей амура, так возразил: «Пожалуйте, сударыня, сей реки весьма поберегитесь; ибо в оной зловередный ил обретается». На что сия нарочито разумная девка не упустила разрыдаться, да и он, сказывают, того же учинить не оставил.

БЛАГОРОДНАЯ ПОСТУПКА

Всем ведомый корреспондент Виталий Витальев, во многих с рзкетирами и непотребными девками баталиях отличившись, особливо милостью дюка Бункингемского в аглицкие полицейские положен был, чем сильняе прежнего законно возгордился; то однажды, по лондонской Оксфорд-стрите в каске и с превеликою дубинкою шед, непомерно прытких аглицких повес в черных кожаных камизолах, роке-рами именуемых, встретил. На неуместные их возражения дубинкою махнувши, сей строгий пестун разом их в чувство привел. Смелою и благородною поступкою своею немалое удивление и радость причинив, то аглицкие девушки, по обычаю той страны ледями называемые, трикратно Витальева целовали и напоследок в «Книгу Гиннеса» его занести положили.

ОТМЕННАЯ ВЫХОДКА ДЕВИЦЫ

Как славный редактор отдела писем Николай Мо-нахов, пред читателями с неизменною викторией выступая, навсегда секретно, перед каждым выездом из дома, по несколько речений из «Нарочно не придумай» затверживал; и оные на малой бумажке нарочито большими литерами списав, таковую за обшлаг мундирного кафтана своего зашивал. Сия редакторская придумка хотя превострою ему казалась, однако от одной знатной и пригожей девки из отдела литературы и искусства не могла укрыться. То она девка, сим позабавить всех положив, таковой свой умысел на читательской ассамблее в действо произвела. Для сего, сзаву к Монохову подступивши, ту бумажку из-под обшлага выхватила и по ней, переделанным на монаховский манер голосом, смело и громче противу прочего разговора выкрикнула: «ОБНАЖЕННЫЕ МАХОМ! БОНДАРЧУК — БОЛЬШОЙ ЗМЕЙ! ПОЛСТАВКА ДЛЯ ЦВЕТОВ!». Таковая сей при-

гожей девки выходка немалый смех всему собранию причинивши, редактор Монохов ее в свой отдел учетчицею писем взять обещал.

И КУХАРИ ПОРОЙ ДОГАДЛИВЫ БЫВАЮТ

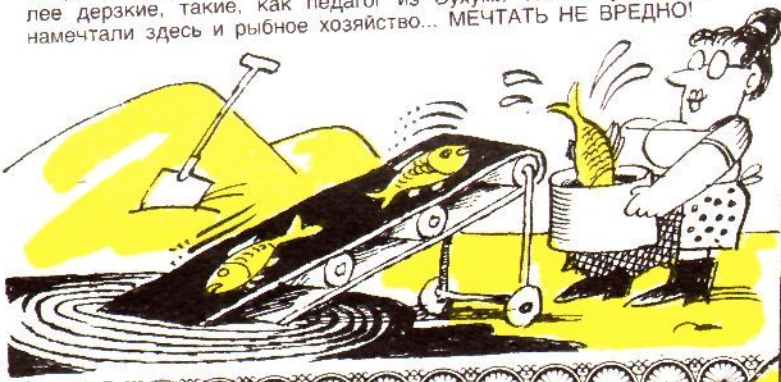
Как один гишпанский советник, «Крокодилский Веселый Кроссворд» отгадывая, и мозгу своего напоследок совсем лишившись, кухарю своего, у него в услужении бывшего, так спросил: что означает «История долгого путешествия хлебобулочного изделия к потребителю?» — то сей опытный в своем деле искусник дал сообразный своему рукомеслу ответ: «Так, государь мой, «КОЛОБОК». Чему тот, нарочито богатый гишпанец, немало смеялся, закрывшись епанчою, и кухарю своему жалованье с того дня противу прежнего трикратно повысил.

НИКТО НЕОБЪЯТНОГО ОБНЯТЬ НЕ МОЖЕТ

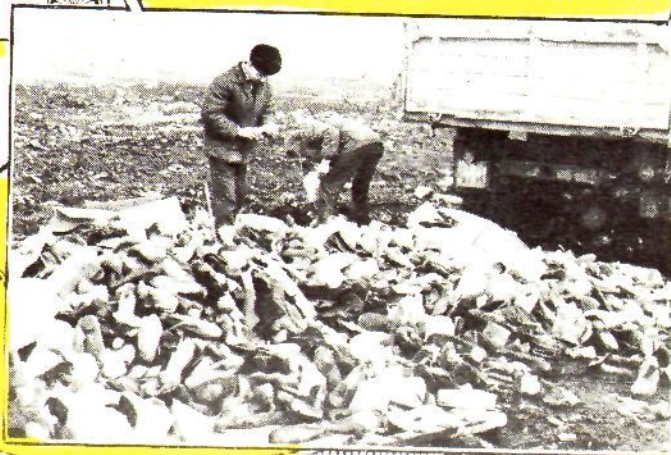
Однажды знаменитый французский философ Декарт, у ступенек домашней лестницы своей сидевший и у ног своих разнообразные журналы и газетки положивший, с превеликим вниманием их разглядывал. То некий прохожий подступил к нему с вопросом: «Скажи, мудрец, где взять время, чтобы все эти газетки и журналы сии прочитать?» — «Мерзавец! — отвечивал сей, — никто необъятного обнять не может! Но на журнал «Крокодил» все мыслящие подписаться принуждены обретаются!». Сии, с великим огнем произнесенные, слова возымели на прохожего желаемое действие.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «КРОКОДИЛ» ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ «СОЮЗПЕЧАТИ» БЕЗ КАКИХ-ЛИБО ОГРАНИЧЕНИЙ. СТОИМОСТЬ ПОДПИСКА НА ГОД — ВСЕГО 10 РУБЛЕЙ 80 КОПЕЕК.

Очамчирский райисполком ПРИГЛАШАЕТ ФАНТАЗЕРОВ на берега озера грез, давным-давно образовавшегося на месте старого песчаного карьера в местечке Цкургили, что неподалеку от Сухуми. У водной глади прекрасно мечтается о домах отдыха, физкультурно-оздоровительных комплексах, спортивных базах... Озеро площадью в 115 га, а глубина достигает 15 метров. Наиболее дерзкие, такие, как педагог из Сухуми Т. Пачкория, уже намечтали здесь и рыбное хозяйство... МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО!

ЕСЛИ СКРОМНАЯ ПЕНСИЯ не позволяет вам приобрести австрийские или югославские сапожки, цены на которые растут со второй космической скоростью, не огорчайтесь. Последуйте совету нашего елецкого читателя Н. Луневского и обращайтесь в отдел рабочего снабжения 4-го отделения Юго-Восточной железной дороги. На его складах — залежи неликвидной обуви. Обувь годна к носке, но, уже списанная, выбрасывается за ненадобностью на свалку.

ЛЮБИТЕЛЯМ ПУТЕШЕСТВИЙ

Далеким воляж за казенный счет вы можете совершить, если ваш трудовой коллектив завоеует переходящее Красное знамя. За получением этого трудового подарка вас отправят далеко-далеко. Так, колхозу имени Карла Маркса Горно-Алтайской автономной области, сообщает его председатель А. Бедюров, чтобы получить завоеванное Красное знамя Совета Министров РСФСР, ВЦСПС, надо отправить человека за 500 километров в крайагропром, в Барнаул, где попутно посланец может ознакомиться с достопримечательностями краевого центра.

БАРНАУЛ 233225/58 33 24/4 0707-

КОЛХОЗ ИМ. КАРЛА МАРКСА ОНГУДАЙСКОГО ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПОЛУЧИТЕ ВРУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДЯЩЕЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР КОТОРЫМ НАГРАЖДЕН ВАШ КОЛЛЕКТИВ КРАЙАГРОПРОМ УЛИЦА ПОЛУЧОВА 34 ОТДЕЛ СОСРЕДКОТВОРЕНИЯ КОМНАТА ЧОУ ДОВЕРЕННОСТЬ НАГРАЖДЕННОГО 21/11-12 БЕСГАЛОВ-

0709 07.11 01 233504/2 РУС 01 233933/26 УИТ

24/4 1100 С. Грей

СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ

бульдозеристы — для работы на свалке в районе Кременчугской улицы (Кунцевский район г. Москвы). На свалку непрерывным потоком поступают различные виды металла (стальные котлы, заглушки, трубы, валы, мотки проволоки, обрезки железа и т. п.). Бульдозеристы требуются для зарытия в землю этих металлических изделий, дабы не мозолили глаза своим видом различным ведомственным контролерам. Сфотографировал объект Н. Бакулин.

ЕСЛИ вы любите отправлять и получать посылки, приобретайте механическую сбивалку, изготавливаемую ПО «Курганармхиммаш». (Хотя она и не для сбивания посыльных ящиков, а для смешивания жидких пищевых продуктов.) Через месяц эксплуатации сбивалка самопроизвольно разваливается. Поэтому вы идете на почту и отправляете развалины на завод-изготовитель. Месяца через три вам присылают новую сбивалку, которая через месяц разваливается. Тогда вы идете на почту...

Казалось бы, простая сбивалка, а как разнообразит жизнь! — считает В. Римская из г. Поронайска, что на острове Сахалин.

ЕСЛИ в вашем доме неожиданно остановились все часы — не отчаивайтесь. Следить за течением времени вам поможет стиральная машина «Волга-15А», выпускаемая Чебоксарским ПО имени Чапаева. Как сообщила нам И. Федуллова из г. Тольятти, двигатель этой стиральной машины непрерывно работает одну минуту. Всего 60 включений, и вы с полной уверенностью можете утверждать, что прошел ровно час.

